

Сидни Джонс

Игры Героев

Он должен вырваться
из ловушки, чтобы не стать
убийцей и предателем

Дж. Сидни Джонс

Игры героев

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1992

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

Джонс Д.

Игры героев / Д. Джонс — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1992

ISBN 978-5-9524-6650-0

Ирландскому герою Джеку Кавене, заключенному в тюрьму за борьбу против фашизма в Испании, нацисты предложили выбор: работать на них или гнить в тюрьме. Он должен был разжечь восстание в Ирландии, которое заставит англичан воевать на два фронта и сделает их уязвимыми для нацистского вторжения. Но Джек узнает, что стал жертвой двойного предательства — пешкой в заговоре с целью убийства. Оказавшись в ловушке зловещей схемы, разработанной самым опасным секретным агентом Третьего рейха, в отчаянии Кавена обращается к прекрасной Бриджит О’Тул, достаточно осведомленной, смелой и готовой помочь...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-9524-6650-0

© Джонс Д., 1992
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1992

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сидни Джонс

Игры Героев

Роман

F. Sydney Jones
The Hero GameA Novel

* * *

Copyright © J. Sydney Jones, 1992
© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026
© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

* * *

Элу Цукерману – агенту, наставнику, вдохновителю. Тысяча благодарностей за потраченное тобой время, за твою энергию и, более всего, за твою веру в меня.

Книгу пишет не один человек. Я должен поблагодарить нескольких людей, помогавших мне в работе над рукописью: Хилори Росс, моего редактора из Национальной писательской организации, за ее терпение и внимание к рукописи, рождавшейся нелегко; Джона Пейна из той же организации, который давал мудрые и полезные советы на ключевых этапах работы с рукописью, а также моего калифорнийского друга Джима Мембреца. Ему – особая благодарность за бесчисленные часы, проведенные вместе со мной в творческих муках и страданиях, за проявленную глубокую заинтересованность к теме, столь далекой от Кьеркегора и Хайдеггера. И как всегда, выражаю глубокую признательность моей жене Элен и дочери Тэсс за их снисходительность и терпение, проявленные к моей работе.

Пролог

С падением Франции в конце июня 1940 года Германия стала господствующей силой на Европейском континенте. Америка пока еще сохраняла осторожный нейтралитет в конфликте, который стал впоследствии известен как Вторая мировая война; от Советского Союза Берлин временно откупился Пактом о ненападении. И только Британия стояла на пути Гитлера к победе, хотя она все еще не могла оправиться от поражения своего экспедиционного корпуса и последующей эвакуации его из Дюнкерка.

Все лето 1940 года британцы ожидали вторжения германских сил, концентрирующихся на французском побережье для проведения операции «Морской лев». Все лето мир ожидал начала крупнейшего в истории вторжения.

Ничего не случилось. Летом 1940 года Британия получила передышку, выиграла время для восстановления сил, это, по утверждению историков, привело к тому, что Германия проиграла войну.

Этими самими историками дан целый ряд объяснений колебаний Гитлера: его странное уважение к британской нации; мужество британских летчиков в боях с люфтваффе; да и скверная погода пришла ко времени.

Никто, однако, не принял во внимание ненаписанную историю горстки мужчин и женщин в Эйре, нейтральной республике Ирландии, державших в своих руках судьбу западного мира.

Это рассказ о них.

Глава 1

18 августа 1940 г. Тюрьма Моро

Мадрид. Испания

«В любом случае мы – мертвецы, – подумал Джек, – но умереть при попытке к бегству все же лучше, нежели заживо гнить в этой вонючей тюрьме».

Поджав костлявые колени к груди, он сидел в углу десятиметрового бетонного мешка и следил за утренними лучами солнца, пробивавшимися сквозь высокое маленькое оконце на влажной стене, цвет которой менялся от грязносерого к бледно-розовому.

Так он наблюдал рассвет в высоком оконце уже целых два года. Два тяжелых года его поддерживала лишь надежда увидеть следующий рассвет. Джек поддерживал в себе эту надежду с того самого момента, как был захвачен солдатами Франко в бою под Сан-Мигелем и ни на минуту не терял веры. Он выдержал пытки, голод и холод, думая лишь об одном: обязательно придет день расплаты.

Сегодня этот день настал.

Рядом с ним лежал Домингес. Со стоном перекатившись на бок, испанец взглянул на розовеющее оконце.

– Скоро рассвет, – сказал он по-испански Джеку Кавене.

Джек кивнул.

– Ирландец, ты и в самом деле уверен, что это сработает?

В полумраке Джек едва различал покрытое шрамами, с переломанным носом и выбитым глазом лицо Домингеса.

– План удастся, – вытягивая ноги, ответил Джек.

Но в действительности он не был в этом уверен. Их замысел нельзя было и планом-то назвать. Во всяком случае, это далеко не походило на те изощренные приемы, какие разрабатывал Джек для ИРА¹ в двадцатых годах – время борьбы за независимость Ирландии. Он давил вшей, которые кишмя кишели на его тюремной робе, и следил за рассветными лучами, отбросив все посторонние мысли, сосредоточившись на одной-единственной – о мести.

Минутами позже в камере зашевелились и другие заключенные. Свет над их головами стал ярче и резче. Издали доносилось нежное воркование разгуливающих по крыше голубей.

– Остальные твердо знают, что кому следует делать? – спросил Джек Домингеса.

– Все будет так, как мы отработали: все они будут ждать твоего сигнала.

– Уж это обязательно, – подтвердил Джек.

– В отличие от тебя, ирландец, мы не профессиональные солдаты. Мы простые рабочие люди, любящие свою страну. Ну уж умереть мы сумеем. И все сделаем так, как ты скажешь.

Джек почувствовал твердость в голосе Домингеса.

– Ирландец, – Домингес посмотрел Джеку в лицо, – спасибо тебе, ирландец; что бы сегодня ни случилось, ты дал нам возможность вновь почувствовать себя людьми. Истинно, ты один из нас.

В длинном коридоре за дверью камеры раздался грохот сапог. Глаза всех заключенных обратились на Джека, и он улыбнулся им.

– Сегодня, товарищи, свобода или смерть при попытке ее обрести.

Ему в ответ были согласные кивки и одобрителный шепот. Один из заключенных стал громко молиться, но Домингес оборвал его:

– Хватит, молись про себя. Помощи от Бога тебе сегодня будет мало.

¹ ИРА – Ирландская революционная армия, подпольная боевая общенациональная, общенародная организация, действующая и сегодня. (Примеч. пер.)

Шаги приближались. Джек был уверен в своей правоте. Сегодня тюремщики направлялись к их камере. «Какой там план, – подумал он. – Одна только слепая надежда».

На площадке, где обычно производят экзекуции, Джек делает вид, что сломался. Он будет ползать, молить о пощаде и плакать. Словом, делать то, что все время ожидают от него франкисты, придумав для этого американского ирландца, борца Интернациональной бригады, жестокую, изощренную пытку: они часто забирали группу заключенных из тринадцати человек, вели к месту казни, гремели выстрелы, и двенадцать заключенных оставались на земле мертвыми, тринадцатым был Джек.

Эта пытка, придуманная специально для него, должна была заставить его желать смерти, все время проходящей мимо. Ее изобрели, чтобы сломить его волю.

Он позволит сегодня им поверить, что наконец-то сломался.

Затем жирный надзиратель Гонсало подойдет к Джеку с дубинкой в руке, будет бить его по плечам, заставляя встать. Это будет шансом Джека.

За два года в тюрьме Моро Джек хорошо изучил Гонсало: знал, как тот расставляет ноги и покачивается, когда бьет заключенных. Джек схватит его, зажмет своими цепями и будет душить, пока другие охранники не сложат оружия. Джек знал, что Гонсало трус и потому будет просить своих товарищей поступить именно так, чтобы сохранить себе жизнь. Затем заключенные перепрыгнут через низкую стену и разбегутся в разные стороны. Каждый сам для себя будет искать убежище в Мадриде. Сумасшедший, отчаянный план. Но такое только и может сработать именно благодаря своей рискованности. Джек надеялся, что ключи от кандалов будут у Гонсало, иначе им придется мотаться по Мадриду в цепях.

«Черт возьми, – подумалось ему, когда в массивный замок железной двери камеры вставляли ключ, – лучше умереть свободным человеком на улицах Мадрида, чем дрожать в ожидании казни».

– Удачи, товарищи, – прошептал Джек, когда дверь стала открываться.

В дверях стоял Гонсало. Короткий, толстый человек с безумными злыми глазами.

– Доброе утро, покойники, хорошо выспались?

Несколько охранников стояли за его спиной. «Как обычно», – отметил Джек.

– Сегодня у нас особый день. Ты, ирландец, – он указал дубинкой на Джека, – сегодня твой день.

Чувствуя тяжесть цепей, Джек поднялся на ноги и поплелся к двери. Местами кандалы стерли кожу на ногах, но он не чувствовал боли, одну только безудержную ярость. «Сегодня действительно мой день, – подумал он. – Гонсало даже и не догадывается, насколько он прав».

Позади него остальные заключенные тоже стали подниматься на ноги и выстраиваться в шеренгу. А Джек продолжал двигаться к охранникам.

«Сегодня или никогда», – думал он, глядя в упор на Гонсало и ощущая исходивший от того чесночный запах. Он был уже почти рядом с охранником, когда его внезапно и резко вытолкнули в коридор. Железная дверь тут же захлопнулась за ним, и двенадцать заключенных остались в запертой камере.

Гонсало улыбнулся ему:

– О, ирландец, у нас на самом деле припасен сюрприз для тебя.

Они ехали целый день и большую часть ночи. Джек пытался хоть немного поспать, растянувшись на голой деревянной скамье, идущей вдоль кузова. Но машину на неровной дороге так трясло и подбрасывало, что он постоянно просыпался. Он не имел ни малейшего представления, куда они направляются: в тюремном фургоне окна отсутствовали.

Весь день Джек ничего не ел и не пил, желудок его все время урчал. Около полудня он вынужден был облегчиться в дальнем углу у двери фургона, так как Гонсало и водитель не

останавливали машину, не обращая внимания ни на барабанившего в стенку фургона Джека, ни на его крики, а лишь смеялись в ответ.

Теперь он сидел, опираясь спиной о стенку, отделяющую фургон от кабины, и пытался сдерживать тошноту, вызываемую запахом собственных испражнений.

События сегодняшнего утра казались ему далеким прошлым. Отделив от товарищей, охранники погнали его по длинному коридору мимо массивных дверей других «станций на пути в ад», как прозвали заключенные камеры. Тычком дубинки Гонсало вытолкнул Джека через боковой выход тюрьмы Моро, а затем ударом в спину его загнали внутрь ожидавшего рядом со входом полицейского фургона без опознавательных надписей.

Без всяких объяснений и комментариев.

«Прощай, свобода», – пробормотал он, когда фургон в очередной раз тряхнуло на неровной дороге по пути к неизвестной цели.

Джек попытался представить себе, как бы поступил в такой ситуации его отец, незабвенный Нед Кавена, убитый англичанами в булочной Боланда в 1916 году. Отец стал последним ирландцем, погибшим во время Восстания.

Однажды отцовский опыт сослужил ему добрую службу, но сегодня он ничего не мог придумать. Он больше не находил утешения в воспоминаниях о своем отце. Два года в тюрьме Моро – достаточный срок, чтобы подумать о прошлой жизни, казавшейся ныне вовсе неплохой. Существование в тени эшафота преобразило Джека.

Он решил, что отныне для него нет никаких «движений» и всяких там «измов», особенно если он вновь окажется на свободе. Хватит политики, хватит биться головой о стену британской невозмутимости. Теперь он заживет спокойно. Простая частная жизнь на нескольких акрах болотистой ирландской земли, с собакой у горящего камина. По вечерам, загнав в хлев овец, он будет наслаждаться ловлей рыбы, а по субботам потягивать пиво вместе с соседями в локале².

Жизнь обывателя, простая и заурядная, – вот что надо было теперь Джеку. Без героических деяний и подвигов вроде тех, что совершал его отец. Никакой романтики, которая унесла Джека из родного дома на поля сражений двадцатых годов, в тридцатых годах в Дейл³, а оттуда – на гражданскую войну в Испанию. Теперь-то Джек знал, что ему нужно.

В Испании он оказался отчасти потому, что начитался в газетах о зверствах франкистов и их германских советников, а отчасти – из-за своих симпатий к социализму. Социалистическую мораль он усвоил в трущобах Бруклина, где рос среди нищеты ирландской колонии. Мать Джека зарабатывала на жизнь стиркой белья, пока отец, славный Нед, корчил из себя героя в чертовой Ирландии. Мать умерла от туберкулеза, с жизнью она расставалась тяжело, но мужественно и без жалоб.

В тюрьме Моро Джек не раз задумывался, кто же из его родителей в действительности умер смертью героя.

Но прежде всего он отправился в Испанию за тем, что отсутствовало в его жизни, ведь ему нечего было терять, кроме политики да одинокой постели. Квартира в отдаленном районе Дублина, Стивенс-Грин, была набита книгами – от Платона до Монтеня и Йетса, но ни одного живого существа, даже аквариумной рыбки. Иногда у него появлялись женщины, подружки и любовницы, которые задевали лишь краешек его бытия. Он никогда не подпускал их к себе близко. Жизнь его была в большей степени видимостью, нежели сущностью, – жизнь энергичного ирландского парня, ставшего пламенным красным парламентарием. Молодой Кавена вернулся из Америки, чтобы отомстить проклятым британцам за смерть отца. Однако удовлетворяя жажду мести, он утрачивал жизненные цели. Уже задолго до того, как он в 1938 году

² Локалы – популярные народные пивные в Британии, нечто вроде клубов. (Примеч. пер.)

³ Дейл – ирландский парламент.

отправился в Испанию, жизнь его стала пустой и потеряла всякий смысл, поскольку она была полна привычной риторики, что являлось вообще проклятием Ирландии.

Итак, Испания. Здесь он встретил Рени, швейцарскую социалистку, сражавшуюся в Интернациональной бригаде. Рени перевернула его жизнь, наполнила ее смыслом, значимостью, а потом унесла все это с собой.

«Но не думай сейчас об этом», – приказал он себе.

Фургон замедлил ход и остановился. Мотор умолк, и Джек услышал, как кто-то выбирается из кабины. Снаружи слышались приближающиеся шаги.

Джек сосредоточился. Еще сегодня утром у него не было никакого четкого плана – одни отчаянные порывы. Он ослаб от голода, однако усилием воли собрался в комок для последней решительной схватки за свою жизнь.

Гонсало распахнул дверь фургона, холодный горный воздух ворвался через нее. Позади Гонсало блистало звездное небо.

Джек успел заметить, что Гонсало не вытащил оружия из кобуры, в правой руке он держал только дубинку.

– Вылезай, ирландец!

Водитель еще не выбрался из кабины, и Джек решил действовать. Вскочив, он ногой отшвырнул экскременты с пола фургона прямо в физиономию Гонсало и, прежде чем тот успел закричать, сразу бросился на охранника, обхватив его шею закованными в цепи руками. Гонсало закашлялся и захрипел, яростно вцепившись пальцами в цепь. Дубинка его упала на землю. Джек коленом уперся в позвоночник Гонсало и, услышав, как тот взвыл от боли, надавил еще сильнее. Не ослабляя нажима, он пригнул голову Гонсало к дверному косяку и прищемил ее, потом отпустил, подобрал дубинку – и все за один прием, как раз к тому моменту, когда второй охранник обошел машину и приблизился к двери фургона.

– Гонсало, какого... – это все, что он успел произнести, прежде чем Джек опустил дубинку на его голову. Охранник носил на голове лишь мятую пилотку, которая ни в коей мере не могла смягчить удар. Послышался хруст костей, и охранник рухнул на землю рядом с Гонсало.

Джек быстро обшарил карманы Гонсало. «Сегодня мне везет», – подумал он, нащупывая в кармане Гонсало связку ключей. Он вытащил их из кармана и вставил в замок своих наручников.

Вначале ключ не хотел поворачиваться, так как замок заржавел от его пота и крови. Джек осторожно поворачивал ключ, больше всего опасаясь сломать его, и наконец услышал щелчок открывающегося замка. Руки освободились. Он вставил ключ в замок ножных кандалов, с которыми пришлось повозиться подольше. Охранники дышали, издавая хриплые звуки, будто странные морские животные. Он знал, что они еще долго пробудут без сознания. И все же Джек молил про себя, чтобы никто больше не проехал по этой дороге. Пот струился по его лицу.

Потребовалось еще несколько минут, чтобы освободить ноги, но вот он наконец стоял без цепей, разминая затекшие пальцы. Впервые за два последних года он не чувствовал на себе веса кандалов.

Теперь можно оглядеться: он находился на пустынной дороге высоко в горах, где-то в Центральной Испании. Вдали ухал филин, а за горными пиками на востоке поднималась луна. Воздух был чист и прозрачен, каким бывает только горный воздух после жаркого летнего дня. Пахло сосновой хвоей и лесной прелью. На обочине дороги неясно темнели стволы деревьев. Холодный ночной воздух пробирался сквозь тонкую тюремную робу. Джек поежился.

Он подошел к кабине. Внутри обнаружил автомат «шмайссер». «Свидетельство щедрости Гитлера к генералиссимусу», – подумал Джек. Магазин автомата был полон. Джек выбрался из кабины и медленно двинулся к задней двери фургона, где все еще лежали охранники.

«Почему эти глупые ублюдки не прикончили меня прямо в фургоне? – удивился он. – Почему они дали мне шанс сбежать?»

– Ты уже жалуешься? – спросил он сам себя вслух, передвигая затвор и приставляя дуло автомата к жирной щеке Гонсало. Палец Джека нащупал холодный металлический изгиб спускового крючка. Он глубоко вздохнул. Посмотрел на лежащего перед ним охранника, сделавшего из его жизни за последние два года ад, и покачал головой. «Я не животное, – сказал он себе, ставя снова автомат на предохранитель. – Хватит мести».

Джек закрыл заднюю дверцу фургона, забрался в кабину. Ключи по-прежнему торчали в замке зажигания.

В небе сияло созвездие Ориона. Он завел машину, надо поскорее выбраться из Испании.

Тут он вспомнил Домингеса и других заключенных, оставшихся в тюрьме Моро. Возможно, они сегодня встретили свою смерть. А возможно, и нет. Но он не мог рисковать и отпустить к ним назад опозоренного и взбешенного Гонсало. Он чувствовал долг перед другими. Гонсало в отместку за бежавшего ирландца превратил бы их смерть в медленную мучительную агонию.

«Ну вот, опять все возвращается на круги своя», – отметил про себя Джек. Он снова вступает на старую тропу мести и долга, возвращаясь в круг одиночества – неизбежное следствие такой жизни. «Помни, что ты обещал себе: если ты когда-либо будешь свободным, то откажешься от всего этого и просто найдешь себе тихое пристанище».

Обеими ладонями он шлепнул по рулевому колесу, убеждаясь, что свобода была иллюзорной.

Не заглушая мотора, он взял «шмайссер», пошел к задней дверце фургона, заставил себя с открытыми глазами передернуть затвор и дать очередь. Автомат задрожал в его руках, и в ноздри ударил запах горелого пороха. Пули рвали лежащие у его ног тела и заставляли их подпрыгивать. Уже сидя в машине, он заметил, что босые ступни его ног мокры от крови. Он почувствовал страшное опустошение, его стало рвать. Потом он поднял стекло дверцы кабины, включил передачу и вырулил на дорогу. Справа от дороги над горами сияла луна.

Минут через десять он подъезжал к никем не охраняемому пограничному кордону. По характеру горного пейзажа он определил, что французская граница близко. Но и не предполагал, что она совсем рядом. Ему повезло, что на кордоне не было охранников. Он проехал мимо маленького строения, нельзя тратить время даже на минутную остановку. Проскочил под поднятым шлагбаумом и на другой стороне границы увидел щит с надписью на немецком языке: «Willkommen ins Vichy Frankreich»⁴. На мгновение он притормозил перед этой надписью. Ее смысл для Джека был очевиден. Тем не менее она его потрясла, как потрясла бы любого, для кого всемирная история остановилась на 1938 году.

«Приветствующая при въезде во Францию немецкая надпись может означать только одно – нацисты захватили страну, – подумал он. – Европейская война фактически уже началась».

Джек вновь прибавил скорость и покатил вперед, в глубь Франции. «Но куда? Есть ли где безопасное место?» – размышлял он. Внезапно впереди на дороге он увидел стоящую автомашину, которая мигнула ему фарами раз, другой, словно давала сигнал. Может, почудилось? Но он ясно разглядел машину в свете собственных фар: черная штабная машина с двумя маленькими нацистскими флажками на передних крыльях.

«Бежать или принять бой?» – задал себе вопрос Джек, зная, что Германия и Испания союзники. Он подвинул поближе к себе лежащий на сиденье «шмайссер». Сколько патронов потратил он на Гонсало и второго охранника? Сколько еще осталось в магазине?

⁴ Добро пожаловать во Францию Виши (нем.).

Он притормозил, пытаясь выиграть время: что же дальше делать? Но вдруг оказалось, что решение за него уже приняли.

Из штабной машины вылез высокий худой человек в эсэсовской форме. Он был без оружия и держал поднятую вверх правую руку, словно приветствуя его. Джек сообразил, что человек что-то говорит, и остановил машину в двухстах футах от него. Что-то знакомое почудилось ему на миг в жесте долговязого эсэсовца, но другие соображения помешали ему на этом сосредоточиться. «Если это ловушка, то немец будет убит первым», – решил Джек. Он навел «шмайссер» через ветровое лобовое стекло прямо на эсэсовского офицера.

Другой рукой он опустил боковое стекло. С холодным ночным ветерком до него донеслись неясные слова.

– Не слышу вас! – закричал Джек по-английски в ответ.

Слова немца, которые он наконец расслышал, привели его в замешательство. Он не поверил своим ушам, когда эсэсовский офицер повторил фразу:

– Mile failte sa bhaile romhat.

Теперь Джек убедился, что донесенная ночным ветерком фраза была произнесена по-ирландски:

– Тысячу раз добро пожаловать домой.

Слова эти сразу благостно подействовали на него. По всему телу разлилось тепло и ожидание чего-то хорошего. Однако Джек все еще мыслил категориями заключенного: настороженность, недоверчивость и бдительность. Для случайного совпадения приветствие на ирландском – это уж слишком.

Он поставил фургон поперек дороги так, чтобы удобнее было стрелять из окна кабины по немцу.

– Не люблю, когда со мной играют в кошки-мышки, – закричал Джек человеку. – Даю тридцать секунд на ответ, кто вы и что вам нужно. Потом стреляю.

Он полностью опустил боковое стекло и положил «шмайссер» на дверцу кабины.

На миг снаружи воцарилась тишина. Немец замер на месте, словно беспомощный кролик в лучах фар.

«Бестолочь, – подумал Джек, – не знает даже, как встать, чтобы на него не падал свет фар, сейчас он отличная мишень».

– Ну что же ты, Джек, не узнаешь меня? – окликнул его человек.

Вместо себя Джек предоставил ответить автомату. Нажав на спусковой крючок, он взрылил пулями землю прямо под ногами стоящего человека. Это произошло так быстро, что немец даже не успел отпрыгнуть в сторону.

– Боже мой, Джек, – крикнул немец. – Это я, Вальтер, Вальтер Зиферт.

Как успел заметить Джек, немецкий водитель к тому времени уже вылез из машины и присел за тяжелой металлической дверью с пистолетом наготове. Мозг отказывался верить тому, что он видел. Два года жестокой борьбы за выживание в тюрьме Моро взяли свое. Перед ним его друг Вальтер Зиферт? Невозможно!

– Докажите! – закричал Джек.

– Не стреляйте, унтер-офицер, – сказал эсэсовец своему водителю и вновь повернулся к фургону: – Ты учился со мной в Дублине. Философия и кельтские языки.

– Любой это может прочесть в моем досье. Я требую – докажите.

Немец сделал несколько шагов к фургону.

– Просто посмотри на меня внимательно. Вот тебе и доказательство.

В ответ опять раздалась автоматная очередь. Джек нажал на спуск, и пули вновь взбили пыль под ногами эсэсовца, остановив его.

– Повторяю: докажите это.

– Ты сошел с ума!

Джек услышал нотки страха в голосе немца. Туман в голове стал постепенно рассеиваться. «Вальтер Зиферт – возможно ли это?..» Внезапно он сообразил, что от отчаяния он страстно желает, чтобы немец и в самом деле оказался его старым другом из Тринити-колледжа. Он напряженно уставился на эсэсовца, пытаясь лучше разглядеть его черты.

– Хорошо, – наконец произнес немец, – вспомни мою старую шутку о Лао-цзы, вопрошающем Сократа.

И не успел немец закончить свою фразу, как Джек вспомнил все и, перебивая, сам произнес заключительные слова шутки:

– Нет, самого себя.

Их голоса слились эхом в ночном воздухе. «Вполне возможно, так и должно быть», – решил Джек. И внезапно в его горле заклокотали странные, отдаленно похожие на смех, звуки. Он не смеялся целых два года.

– Это достаточное для тебя доказательство? – спросил Зиферт.

Все еще смеясь, Джек вылез из машины, направился к своему старому другу и обнял его. Под своими ладонями он ощутил жесткую шершавую шерсть формы Зиферта.

Наконец он отстранил Зиферта на расстояние вытянутой руки.

– Мне бы следовало сразу сообразить, что это ты. Ведь никто, кроме тебя, не говорит по-ирландски с таким ужасным немецким акцентом.

Джек увидел промелькнувшую в глазах Зиферта тревогу, когда тот рассматривал его изможденное тело и шрамы на запястьях, проглядывавшие сквозь лохмотья. Джек продолжал сжимать своими костлявыми пальцами плечи Зиферта, все еще вглядываясь в его лицо.

– Но это не случайность. Так не бывает.

– Да, это не случайность. Скорее, это организованная встреча, нежели случайное совпадение.

– Выходит, это ты вытащил меня из тюрьмы Моро?

– Ну, это долгая история, Джек. Почему бы нам не поговорить обо всем в дороге?

– И куда же мы отправимся, Вальтер?

– В Берлин, конечно, – улыбнулся Зиферт. – Не уверен, что ты когда-нибудь видел Унтерден-Линден и Бранденбургские ворота, не так ли?

Джек хмыкнул:

– Не уверен, что я к этому очень стремлюсь, Вальтер. Слышал, будто в Берлине ужас как много немцев. О присутствующих не говорят, но, видишь ли, немцы мне не очень нравятся.

– Ну, Джек, тогда тебе не повезло – в последнее время мы, немцы, кажется, повсюду. Возможно, что ты не очень внимательно следил за новостями из своего роскошного отеля. За исключением нескольких нейтральных стран, вся Европа является сейчас частью рейха.

– Нет, не следил, – почти застонал Джек... – А Англия? – поинтересовался он после некоторого молчания.

Зиферт отрицательно покачал головой.

– Еще нет. Но, пожалуйста, все это мы можем обсудить по дороге. Ну, едешь со мной в Берлин? Просто так. Там есть некто, кто хотел бы с тобой побеседовать. Если тебе не понравится то, что ты услышишь, то будешь волен поехать, куда захочешь. Обещаю. – Он успокаивающе положил руку на плечо Джека. – Ты ранен? – спросил Зиферт, увидев кровь на ногах своего друга.

Джек покачал головой:

– Ничего такого серьезного, что нельзя было бы вылечить пинтой пива.

Зиферт взглянул через его плечо на испанский тюремный фургон.

– А остальные?

Джек вновь покачал головой.

– Не знал, что все это было организовано. Думал, они везут меня на казнь.

– Несколько раньше мы слышали вдали выстрелы.

– Да, возможно, – подтвердил Джек.

После паузы Зиферт пожал плечами.

– Не важно, – произнес он, – испанцы будут вне себя, но это уже не наши заботы, не так ли?

Возбуждение Джека сменилось упадком. Сил у него не оставалось даже на то, чтобы ответить. Он чувствовал себя опустошенным. Когда они повернулись, чтобы идти к машине Зиферта, Джек споткнулся и упал на одно колено. Зиферт помог ему подняться и положил худую руку Джека на свои плечи.

– Мы быстро приведем тебя в порядок. Будешь как новенький, – пообещал Зиферт. – Вот увидишь, все будет как в старые добрые дни.

Зиферт почти донес Джека до штабной машины. Напуганный водитель все еще прятался за дверцей.

– Помоги мне посадить его в машину, идиот! – рявкнул Зиферт по-немецки на водителя.

Они бережно усадили Джека на заднее сиденье, и Зиферт устроился рядом. У него были припасены термос с горячим чаем и коньяком, упаковка камамбера и лучшая еда, какую только он смог реквизирировать в Сен-Дени, куда прилетел в прошлый полдень. Но Джеку есть не хотелось. Едва машина стала выруливать на дорогу, ведущую назад, к маленькому аэродрому, где их ожидал самолет на Берлин, глаза его закрылись и он громко захрапел.

Глава 2

Воспоминания вновь нахлынули на него, и он ничего не мог с собой поделать.

Они ходили на разведку к мосту, который им приказали взорвать, и теперь возвращались. Мостов было так много и так много было «первоочередных целей», как их называли генералы в Барселоне, что Джек сейчас не мог вспомнить даже названия реки. Он помнил только, как выглядел тот мост. Висящий на трех опорах ажурный силуэт, чудо техники, переброшенное через триста пятьдесят футов над глубокой речной долиной. И он должен был помочь превратить этот мост в груды бесформенных обломков.

Стояло лето. Большую часть он провел с группой Кьеро в холмах над мостом, лежа на ковре из сосновой хвои и терпеливо наблюдая в цейсовский бинокль за движением по мосту и сменой часовых. Пока они лежали там, выпили всю воду из двух бурдюков, сделанных из козлиных шкур. И когда после полудня они возвращались в лагерь, во рту у них пересохло, к тому же им здорово хотелось есть. Сын Кьеро, Пабло, вчера убил фазана, и они с вождением предвкушали на обед свежую дичь.

Джек скакал на лошади обратно в лагерь, позабыв жажду и голод. Он думал только о Рени. О том, как он вновь увидит ее, прикоснется к ее руке и прижмет к себе, вдыхая лесной запах, идущий от ее волос. Он расскажет ей все, что видели они сегодня. Расскажет даже о ястребе, который сопровождал их кругами, пока они шли из лагеря в направлении моста, поеживаясь от утреннего предрассветного холода. Расскажет, как ястреб оставался с ними, пока велось наблюдение. И даже сейчас, когда они возвращались домой, ястреб кружил над их головами. Джек объяснит ей также, как они установят заряды на опорах под мостом. Он собственноручно продемонстрирует Рени, как они привяжут пакеты со взрывчаткой в наиболее уязвимых местах максимального давления опор, чтобы после взрыва мост рухнул наподобие карточного домика.

Кожаное седло скрипело под ним. Идущая впереди лошадь Кьеро подняла хвост, и посыпались конские яблоки. Они ехали по лесу. Сосновый запах смешивался с запахом человеческого пота и лошадиного, а Джек все думал о Рени. Поздно вечером они положат свои спальные мешки у входа в пещеру и станут заниматься любовью под ночными звездами. Так, как она всегда этого хотела:

– *Langsam*, Джек, медленнее, пусть это длится вечно.

Кьеро первым почувствовал тревогу. Что-то не так. На подходах к лагерю не оказалось часовых. А ведь его сын Пабло должен был расположить людей вокруг лагеря для наблюдения за подходами. Однако их ни разу никто не окликнул. Никого не было. Они пришпорили коней, пригнувшись к холмам, чтобы быстрее и легче преодолеть подъем на холм. Джек почувствовал разлившийся вокруг запах тревоги и опасности.

На подходе к лагерю их встречал Пабло. Рука его, словно в приветствии, была поднята вверх, ладонь вывернута наружу, а глаза неподвижно уставились на них. На какой-то миг Джек почувствовал облегчение: здесь все в порядке. Просто оставшиеся в лагере проявили беспечность и не выставили часовых.

Только приблизившись, они разглядели, что Пабло пригвожден к дереву штыком, проткнувшим грудь. Рука, поднятая в вечном приветствии, была прибита ржавым гвоздем, а голову в прямом положении удерживал кожаный ремень.

Джек не мог себя заставить смотреть на кровавую кашу в том месте, где у Пабло должен был находиться рот. Он пришпорил лошадь и, поднявшись на холм, увидел четверых оставшихся в лагере мужчин, уложенных ровненько в ряд у погасшего костра. Все они умерли ужасной смертью, убиты с непостижимой для Джека жестокостью.

Женщин – жен Кьеро и Пабло, а также Рени – нигде не было видно. На мгновение Джек позволил себе поддаться слепой надежде: возможно, женщин нападавшие увели с собой. По их

следам он проберется к вражескому стану, дождавшись темноты, освободит их, спасет Рени. Тщетная надежда.

Джек неторопливо посмотрел на вход в пещеру, но Кьеро уже спрыгнул с лошади и бежал внутрь. Минутой позже Джек услышал крик, перешедший в стон, раскатившийся по окрестным горам животный крик боли и гнева.

Джек подбежал к пещере. Ему не хотелось входить внутрь, но он знал, что должен увидеть все своими глазами.

– Рени! – наконец закричал он, замешкавшись у входа.

Кьеро, пошатываясь, вышел на свет из пещеры. Глаза его были мутны, а вытянутые вперед руки окровавлены.

– Не ходи туда, ирландец.

Джек проснулся, невольно вздрогнув от голубиного воркования за окном, резко сел на постели. Он чувствовал растерянность. Сердце отчаянно, гулко колотилось. Он никак не мог понять, где же находится. Сквозь высокие двустворчатые окна в комнату лился яркий солнечный свет. Занавеси на окнах шевелил легкий утренний ветерок. Цепким взглядом Джек охватил все вокруг. Наполненная воздухом комната, большая и просторная. Высокие потолки, дубовый паркет, белые стены. По стенам развешаны выполненные маслом полотна: святая Бриджит, виды британских пустошей, болота и вереск. Над кроватью прибит черный крест святой Бриджит. Кровать покрыта пахнущими свежестью простынями. Джек испытывал некое странное, непривычное ощущение. Ему понадобилось время, чтобы понять это: по его телу не ползают вши.

Кошмар страшной смерти Рени был для него реальнее настоящего. И он, словно отмахиваясь от наваждения, провел ладонью по лицу, пытаясь окончательно проснуться. Вновь огляделся, но комната оставалась на своем месте, и занавески на окнах по-прежнему колыхались от утреннего ветерка. На постели в ногах лежал грубошерстный черный твидовый костюм, похоже его размера. Рядом – нижнее белье и рубашка. Возле постели – пачка газет, подборка лондонской «Таймс». Полистав газеты, Джек увидел, что это подборка за два последних года.

«Соберись, – приказал он себе, внезапно вспомнив события прошлого вечера. – Забудь прошлое. Дай ему умереть. Думай о жизни». Джек взял первую газету, датированную 28 ноября 1938 года. Газета вышла через два месяца после того, как он попал в плен и оказался в испанской тюрьме. Он начал читать первую страницу. Пока еще у него не было желания встретиться с Зифертом.

Он добрался до сообщений об устроенных ИРА взрывах в Манчестере в 1939 году и успел прочесть сообщения об объявлении Германией войны Польше, когда высокие полированные двери распахнулись и в комнату вошел Вальтер Зиферт.

– Воскрешение Лазаря из мертвых. – Зиферт держал в руках поднос с завтраком. Из носика серебряного чайника шел пар, стопка тостов и оранжевый мармелад на тарелке, три яйца и вестфальская копченая ветчина – из того, что можно было найти в Берлине, она больше всего походила на бекон. Чудесный аромат еды зашекотал ноздри все еще лежащего в постели Джека. Он восхищенно покрутил головой.

– А где танцовщицы?

– Их я запланировал на более позднее время. – С этими словами Зиферт поставил поднос на изящный полированный столик. С гнутыми ножками, словно у больного артритом фермера, по определению Джека. Наверняка на этот столик можно нацепить бирку с названием стиля, мастера и высокой ценой. Однако ни стиль, ни цена ему были неизвестны. – Ты выглядишь лучше, – отметил Зиферт, наливая густой темный чай в китайскую фарфоровую чашку. – Спал всю дорогу в Берлин и здесь, пока тебя раздевали, тоже спал. Это серьезное достижение, Джек. Даже для тебя.

– А не собираешься ли ты мне рассказать, в чем же дело?

– Все мое время, Джек. – Зиферт потер белые ладони друг о друга. – Сначала набей чем-нибудь свое брюхо.

Судя по твоему виду, ты вполне можешь осилить изрядный завтрак. – Он кивнул на газеты. – Как видно, знакомишься с последними новостями. А новости все лучше и лучше. Обрати внимание хотя бы на эту. – И он вытащил из пачки номер газеты за май 1940 года: «Гитлер захватывает страны северной низменности»⁵. Или эта: «Париж пал».

Джек пробежал глазами сухой отчет о событии, выглядевшем для него полным крахом цивилизации. Подняв глаза от газеты, он увидел улыбающегося Зиферта.

– Знаю, о чем ты думаешь, Джек. Но это еще не конец всего. Скорее – начало. Даже для Ирландии. Посмотришь. Ну а сейчас ешь, пока яйца не остыли. А потом примерь костюм. По моему, он должен быть тебе впору, а вот насчет обуви я не так уверен.

Зиферт поднял с пола пару оксфордских туфель. Они выглядели необычно и напоминали по фасону те, какие Джек привык носить в Дублине.

– Где, черт возьми...

Теперь Зиферт просто-таки светился от удовольствия.

– Мне прислали эту пару из Дублина. Видишь ли, Ирландия нейтральна. И экспортная торговля еще жива. Я побуду в соседней комнате. Одевайся.

Джек смотрел на худощавого человека, выходящего из комнаты. Как странно он выглядит в этой нелепой черной форме с серебряным кинжалом на поясе. Они не виделись более семи лет. С тех пор как Зиферт уехал на родину в 1933 году из Дублина, где проходил научную стажировку по кельтским языкам. Джек вспомнил, что в 1936 году он написал Зиферту письмо, в котором осудил его вступление в почетные члены СС. Это было его последнее письмо, и переписка на том прекратилась. Джек решил, что Зиферт совершенно свихнулся на идеях Гитлера о новой Германии.

Их связывали особые отношения, и Джека тогда огорчило, что они прервались по политическим причинам. Он познакомился с аскетом Зифертом, когда решил отложить в сторону оружие и наполнить свою голову чем-то еще, помимо военной тактики. Джек стал студентом Тринити-колледжа в двадцать восемь лет. Он выделялся среди других студентов, и репутация его шла впереди него, но Вальтер Зиферт, его руководитель, относился к нему, как к любому другому студенту. Они быстро подружились. Зиферт для Джека стал наставником, старшим братом и отцом.

Джек принялся за еду, и ее аромат вытеснил из головы все остальные мысли. Два года ему давали только баланду и черствый хлеб. Бекон и яйца показались ему посланием свыше, и он съел все до последней крошки, подобрав кусочками тоста желтую подливу.

И сразу же понял, что совершил ошибку. Он окинул быстрым взглядом комнату в судорожных поисках; увидел дверь в стене напротив окна, отчаянно надеясь, что это выход в туалетную комнату. Выпрыгивая из кровати, он сообразил, что так оно и есть. Он едва успел добежать до туалета, как из него изверглось все только что съеденное. Он слишком поздно вспомнил рассказы о вернувшихся из плена Первой мировой войны бедолагах, которые выжили в форменном аду в течение нескольких лет, чтобы умереть после обильного обеда, которым их накормили любящие родственники. Хорошая еда оказалась слишком большим потрясением для привыкшего к мрачному тяжкому существованию желудка.

«Не торопись, – сказал он себе, все еще держась руками за фаянс унитаза. – Для начала тебе придется ограничиться бульоном и свежим хлебом».

Всю стену большой туалетной комнаты занимала ванна. Он наполнил ее водой, от которой поднимался пар, и осторожно погрузился в ее тепло. Горячая вода смыла все его боли и

⁵ Так называют Бельгию, Голландию, Данию и Люксембург. (Примеч. пер.)

страдания. Он смутно помнил, что его уже мыли в этой самой ванне, после приезда сюда. Все как во сне. Пар оседал на зеркале и струйками стекал вниз.

И вдруг в его память ворвался ужас еще одного сна, который преследовал его со времени смерти Рени.

«Никаких иносказаний, – приказал он себе, – с тех пор как ее изрубили на куски».

Тогда он не последовал совету Кьеро и сам вошел в пещеру. Он сразу же почувствовал густой сладкий запах крови и смерти. Но он заставил себя пойти дальше. Рассеянный свет, проникавший снаружи в пещеру, освещал представшую его глазам сцену. Там находились три женщины – неузнаваемые куски обнаженной изрубленной плоти. Рени можно было опознать только по ее золотистым волосам.

Они не плакали. Слезы годятся лишь для обычных человеческих чувств, а при виде подобного варварства они невозможны.

Джек с Кьеро сложили всех убитых в пещеру, заложили у входа предназначенный для взрыва моста запас взрывчатки и взрывом превратили пещеру в мавзолей, похоронив весь этот ужас внутри.

Уезжая прочь от лагеря, Джек увез с собой прядь волос Рени и память о последнем разговоре между ними.

– После этого моста, Джек, нам, наверное, нужно какое-то время отдохнуть. Давай снимем комнату где-нибудь в тихой гостинице, в деревушке, где и думать забыли о войне. Будем там отмокать в настоящей фаянсовой ванне, заниматься любовью в огромной постели, застланной свежими хлопковыми простынями, и есть до отвала. И – никаких героических игр. Согласен?

Пришпоривая лошадь и с каждой минутой отдаляясь от ужаса, оставленного в лагере, он видел ее как живую – пляшущие веселые искорки в глазах, крепко сжатые губы, пульсирующая голубая жилка на виске.

Рени говорила об отдыхе, но Джек пообещал себе, что никогда больше не будет играть ни в какие героические игры. Его внутренний мир уже слишком стар для подобных игр.

Две недели спустя в бою за Сан-Мигель он был схвачен, взят в плен национальными силами фалангистов...

Наконец он вылез из ванны, обтерся большим, как простыня, мохнатым полотенцем, вытер запотевшее зеркало и впервые за два года увидел себя. То, что он увидел, напугало его больше британской пули, которая чуть было не убила его в двадцатом году, оставив прямо над левым ухом на голове кривой шрам. Он был так изможден, что напоминал сейчас истрепанный, никуда не годный шнур из сухожилий и плоти. Лицо его вызывало наибольшую тревогу. Высокие, обтянутые кожей скулы выпирали, еще больше подчеркивая впалые щеки. Он всегда считал себя сильным, плотным мужчиной, но отразившееся в зеркале лицо человека с тюремной стрижкой принадлежало скорее мертвецу, восставшему из гроба.

– Дерьмо!

После этих слов лицо его просветлело. Он закончил вытираться и вернулся в спальню примерить одежду. Белая рубашка в полоску приятно холодила кожу. Потом Джек натянул легкие фланелевые брюки, также заботливо подобранные Зифертом. Твидовый пиджак тоже вроде был впору, в чем убедился Джек, надев его. «Немного жарковат для августа, ну и черт с ним», – подумал он. Приятно вновь надеть твидовый пиджак. Но больше всего его потрясли туфли. Два года зимой и летом он ходил босиком, и сейчас никак не мог приспособиться к обуви. Он испытывал неловкость и все чувствовал, что туфли лишние. Он вновь посмотрел на себя в зеркальную дверцу гардероба, стоящего в углу комнаты. Зеркало отразило его в полный рост. «Так-то лучше», – подумал он. Одежда скрывала его исхудавшее тело и впалую грудь, хотя воротник рубашки оказался почти на два размера больше нужного. Но он уже снова почувствовал себя полноценным человеком.

Когда Джек вошел в гостиную, Зиферт сидел за массивным столом у открытого окна и говорил по телефону.

– Да. Все по плану. Мы скоро будем. Да. Конечно... Хайль Гитлер.

Он смутился оттого, что Джек застиг его, когда он произносил приветствие, которое всегда высмеивал во время своего пребывания в Дублине. Его острый кадык судорожно дернулся, и он невольно сглотнул слюну.

– Нужно соблюдать формальности, – оправдывался он, вешая трубку. – Даже такие нелепые. И посмотри на себя! Что я тебе говорил? Тебе всего-то и нужно было – немного поесть и новая одежда.

– Я бы не прочь съесть еще что-нибудь. – Джек объяснил, что случилось с обильным завтраком, и Зиферт повел его на кухню, где полная женщина средних лет быстро приготовила чашку бульона с двумя кусками черного хлеба.

На этот раз Джек был осторожнее. Ел медленно, сосредоточенно, с расстановкой, пока не наелся.

Зиферт, ожидая его, нервно ходил по кухне.

– Ну что, в путь?

Они вышли из дома и зашагали по улице. Джек, несмотря на подавленное настроение, с упоением вдыхал запахи большого города. Ему казалось, что все прохожие двигались с особой грацией, и никто не выглядел изнуренным от голода, как его друзья в тюрьме Моро. Яркие солнечные лучи, отражаясь от тротуара, били ему прямо в глаза, и он наслаждался ощущением тепла, проникавшего до самых костей. В магазинах шла бойкая торговля импортными товарами из новых колоний Западной Европы: запыленные бутылки шампанского из Франции, кружева из Бельгии, свежая рыба из Норвегии заполняли витрины.

– На вид тут и войны никакой нет, – заметил он, когда они завернули за угол и вышли на еще более оживленную и широкую улицу, обсаженную липами.

– Война скоро закончится, – сказал Зиферт, – еще до наступления осени.

Три магазина в этом квартале были заколочены, и на них висели таблички: «Wir kaufen nichts beim jüden»⁶. Проходя по оживленному тротуару, они обогнали нескольких мужчин и женщин с желтыми повязками на рукавах. О существовании этих знаков Джек знал еще до войны. Это было одно из проявлений нацистской политики в отношении евреев.

Джек кивком указал на людей с повязками.

– Еще одно достижение вашего славного нацистского государства, Вальтер?

Однако Зиферт не обратил внимания на его реплику и повел его дальше к изящному зданию с бледно-желтым каменным фасадом на Принц-Альбертштрассе. По обеим сторонам входа висели огромные кроваво-красные флаги со свастикой, двери охраняли двое до зубов вооруженных часовых в эсэсовской форме.

– Добро пожаловать в штаб СС, – сказал Зиферт.

Джек посмотрел на флаги и людей в черной форме, почувствовав на миг нереальность происходящего: полнейшая театральность всего этого вызвала у Джека желание расхохотаться, хотя в нацистском государстве не было ничего смешного.

Неверно истолковав выражение его лица, Зиферт продолжал:

– Впечатляет, не так ли? Фактически я работаю за углом, в центральном аппарате СД, Sicherheitsdienst, службы безопасности СС.

Он явно торжествовал и оттого выглядел еще более смешным, понизив голос до театрального шепота, говоря на ухо Джеку:

⁶ Мы не покупаем у евреев (нем.).

– Только представь себе, чудовищная банда шпионов. – Затем сказал нормальным голосом: – Мой шеф, оберштурмбаннфюрер СС Гейдрих, все еще имеет кабинет здесь, в главном здании, в сердце организации.

Джека совершенно не интересовало, где чьи кабинеты.

– Подожди минутку. – Он остановился в солнечных лучах напротив здания. – Дальше я не пойду, если ты не скажешь, что все же здесь происходит, черт побери.

Зиферт улыбнулся ему:

– Ты все тот же дотошный исследователь, Джек. Доверься мне ненадолго еще. У нас имеется план для Ирландии. Потрясающий романтический план, вот увидишь.

Часовые четко отсалютовали Зиферту, когда они входили в здание. Холодный вестибюль выглядел весьма внушительно. Мраморные ступени вели вверх, на другие этажи. Внутри были еще часовые в черной форме, которые также отдавали честь и шелкали каблуками, когда мимо них проходит Зиферт, ведя за собой Джека. Они остановились перед входом в кабинет на третьем этаже. Зиферт назвал свое имя сидевшему за столом у двери лейтенанту.

– Он ожидает вас, – сообщил лейтенант и доложил о них.

Зиферт первым вошел в комнату, которая по размерам была больше иной квартиры. На полу лежал огромный голубой, как яйцо малиновки, ковер. У края десятифутовой длины стола из красивого розового дерева стоял высокий, хорошо сложенный человек в черной эсэсовской форме с серебряными эмблемами СС в виде молний на левой петлице воротника. Светлые волосы коротко острижены, а длинный нос выглядел будто перебитым. Взгляд пронзительных близко посаженных глаз Джеку не понравился, они почти сходились у переносицы, отчего нос, казалось, выступал еще больше.

– Итак, наконец-то ты его доставил, – сказал человек по-немецки.

Джек немного понимал по-немецки. Научился у Зиферта, когда они вместе бродили по дублинским пивным. После представления он ответил Гейдриху по-немецки, вызвав довольную улыбку шефа СД.

– Садитесь, пожалуйста, – официальным тоном произнес шеф СД по-английски.

Зиферт, выпрямившись, сел рядом с Джеком. Гейдрих несколько секунд смотрел на Джека неподвижным взглядом, будто пытался произвести на Джека впечатление пронзительностью своих глаз и роскошью обстановки кабинета. Джек непринужденно развалился на стуле, положив ногу на ногу. Когда они еще только собирались с визитом, Джек решил не надевать толстые вязаные носки, приготовленные Зифертом вместе с другой одеждой, и теперь из-под его жемчужно-серых брюк виднелись голые щиколотки со следами шрамов от кандалов. Глаза Гейдриха прошлись по голым щиколоткам и затем вновь уставились на Джека. В приемной раздался телефонный звонок, по мраморной лестнице простучали каблуки. «Здесь нет открытых окон», – отметил про себя Джек. Тяжелые фиолетовые портьеры задернуты и не пропускают дневной свет, стол освещает лампа под зеленым абажуром.

– Вам понравилась Испания, мистер Кавена? – спросил Гейдрих, откидываясь в кресле.

– Отличное место для отдыха. – Джек посмотрел прямо в глаза Гейдриху и смотрел до тех пор, пока шеф СД не отвел глаза в сторону. – Я заметил, парни, что и вам как будто тоже там понравилось.

Джек почувствовал, как Зиферт повернулся к нему. «Если бы мы сидели ближе друг к другу, он бы незаметно толкнул меня в плечо», – подумал Джек. На скулах Гейдриха заиграли желваки.

– Да. В высшей степени неудачное дело эта Испания.

– А-а... теперь это называется делом, – сказал Джек. – Если это и было на что-то похоже, то скорее на кровавую бойню.

Гейдрих фальшиво улыбнулся, затем повернулся к Зиферту:

– Теперь я понимаю, что ты имел в виду, говоря о его настроении, – и затем опять обратился к Джеку: – Неукрошен и двумя годами пребывания в тюрьме.

Джек кивнул:

– Нечто вроде того. Да еще голодный и сердитый.

– Так и должно быть. – Гейдрих взял со стола папку в манильской обложке, – наш общий друг Вальтер, – он указал папкой на Зиферта, напряженно и без тени улыбки сидящего напротив Джека, – рассказал мне кое-что о вас.

Открыв папку, Гейдрих вынул несколько листков и аккуратно разложил перед собой на столе. Джек увидел фотографию, положенную сверху. Это была половина фото, сделанного в тридцатом году в Донеголе: улыбающийся Джек, стоящий под солнцем с рюкзаком на спине. Объектив запечатлел редкую, но замечательную вылазку на природу. На второй, отсутствующей половине фотографии был запечатлен Вальтер.

– Должен признаться, то, что я узнал из этой папки, произвело на меня благоприятное впечатление. – Гейдрих пошевелил страницами досье, будто карточной колодой.

Джек выпрямился в кресле.

– Хватит, пожалуйста. Не могли бы мы обойтись без лишней болтовни? Я здесь по двум причинам. Первое: как видно, я обязан вам своей свободой. Второе: Вальтер просил меня выслушать то, что вы хотите мне сказать. Все. Баста.

Гейдрих вновь заиграл желваками, поглядел на Зиферта, затем опять на Джека.

– Хорошо. Обойдемся без болтовни, как вы выразились. У меня имеется для вас предложение.

– Сказала проститутка священнику, – пробормотал Джек по-ирландски, вызвав невольный смешок со стороны Зиферта.

– Извините, я не понял, – сказал Гейдрих.

– О, это просто старая ирландская присказка, – вмешался Зиферт. – Каламбур. Ужас делает предложение священнику⁷. Ее значение, опасаясь, как и смысл многих кельтских фраз, затерялось во времени.

– А, – нахмурился Гейдрих, – в этом таится опасность для языка, сплошь построенного на метафорах. Согласен, Вальтер. Неясный смысл. Непонимание. Мы, немцы, стремимся к наибольшей точности в языке.

Гейдрих внезапно встал, глядя на них сверху вниз. Джек понял, что этот человек не так глуп, как кажется.

«Он не только хитер, но и опасен, – подумал Джек, – ирония с таким человеком, как Гейдрих, не поможет и неуместна».

– Итак, перейдем к главному, – сказал Гейдрих, вышагивая вдоль стола. – Не буду обременять ваш очевидный ум изящной ложью. Короче говоря, я освободил вас из тюрьмы в Испании, так как могу вас использовать, и полагаю, вы можете использовать меня тоже. Или, скорее, Германию. – И, обращаясь к Зиферту: – Он знает о положении на фронте?

Зиферт вздохнул:

– Он видел несколько свежих газет.

– Итак, – Гейдрих снова повернулся к Джеку, – видимо, вы осознаете, что сейчас мы стали хозяевами Европы. Россия, в определенном смысле, является нашим союзником. Скажем так, мы договорились разделить сферы влияния. Сейчас нам противостоит только Англия.

– Упрямый народ эти англичане, – заметил Джек. – Мы, ирландцы, имеем кое-какой опыт в этом отношении.

– Весьма точно, именно так, – согласился Гейдрих, беря со стола вторую папку в обложке из манильской грубой холстины. – Это, мистер Кавена, детальный план вторжения в Англию.

⁷ По-ирландски: hoggor – ужас, a whore – проститутка. Игра слов. (Примеч. пер.)

У нас создалось впечатление, что нет другого способа убедить их закончить войну, кроме как послать наших солдат на их землю, то есть поступить так же, как англичане, которые находились на вашей земле столько веков.

– И все еще находятся, – добавил Джек.

Гейдрих кивнул.

– Да, Ольстер – заноза в теле Ирландии.

– Мы изменили название страны на Эйре в 1937 году.

– Да, но это вряд ли изменило всю сложность существующего положения на вашем острове, не так ли? Вряд ли это будет способствовать вам в главном – добиться объединения Ирландии. Язык – это не решение вопроса. Особенно кельтский язык с его «туманными истоками».

Ситуация стала проясняться. Джек взглянул на Зиферта, но его старый друг по-прежнему смотрел прямо на Гейдриха и прятал от него глаза.

– Думаю, знаю, к чему вы клоните, герр Гейдрих, – сказал Джек.

– И что бы это могло быть, мистер Кавена? – спросил Гейдрих, удобно располагаясь напротив их в кожаном кресле за своим столом.

– Думаю, вы хотите, чтобы ирландцы помогли вашему вторжению. И вы собираетесь сказать мне, что несчастье Британии окажется возможностью для Ирландии получить свободу. Вы хотите вспомнить о 1916 годе, когда вы, немцы, обещали помощь, если мы поднимем восстание против англичан. Так?

Гейдрих помахал Джеку правой рукой в знак согласия.

– Нечто вроде этого.

– И знаете, что бы я ответил вам?

– Нет, мистер Кавена. Так что же вы мне сказали бы?

– Что Германия в 1916 году испортила все дело. Посланное вами оружие захватили англичане, но бедные глупые ирландцы тем не менее подняли восстание. В результате мы получили новое поле могил мучеников за свободу, герр Гейдрих.

Гейдрих обратился к Зиферту:

– Что означает выражение «испортила все дело»?

Зиферт сделал вдох, собираясь ответить, но Джек опередил его:

– Чертовски паршивое положение, в которое вы нас поставили, вот что это значит. Оставили ирландцев в беде. В их числе был и мой отец. И вот я хотел бы спросить вас: что помешает произойти подобному и во второй раз?

Последовало продолжительное глубокое молчание. С улицы внизу слышалось завывание полицейской сирены.

Через некоторое время Гейдрих заговорил вновь:

– Понимаю ваши опасения, мистер Кавена. Я, как военный человек, будучи на вашем месте, тоже захотел бы услышать о гарантиях. Безусловно, события 1916 года были крупной неудачей и большим несчастьем. Однако Германия сегодня совсем иная. Сегодняшняя Германия покорила всю Европу. Нынешняя ситуация совершенно не похожа на ту, что существовала в 1916 году.

– Очень даже похожа, если вы не господствуете на море и в воздухе.

Гейдрих перенес свое внимание на Зиферта.

– Я был уверен, что твой друг готов к сотрудничеству в большей степени, Вальтер. Что он проявит больший энтузиазм и большее желание нам помочь.

Джек поднялся, будто собрался уйти.

– Не будь слепым упрямым дураком, Джек, – произнес Зиферт, оставаясь сидеть в кресле. – Я лично разработал план во всех деталях. На этот раз вы не останетесь без поддержки. Ты все понял неверно.

– Возможно, знакомство с этими планами сможет снять ваши опасения. – Гейдрих протянул Джеку вторую папку.

Джек перевел взгляд с Гейдриха на Зиферта.

– Просто взгляни на них, Джек. Это не принесет тебе вреда, – мягко сказал Зиферт.

– Хорошо. – Джек взял документы и снова сел.

Несколько минут все молчали, пока Джек просматривал документы; на первом в правом верхнем углу стоял заголовок: «Директива № 16. Подготовка десантной операции против Англии. Кодовое название „Морской лев“».

Директива предусматривала осуществление в середине сентября вторжения в Юго-Восточную Англию на протяжении фронта от Брайтона до Фолкстона. Первый эшелон вторжения должен включать 13 германских дивизий. Удар наносится из Голландии. Одновременно из Остенде, Дюнкерка, Кале, Булони, Дьепа и Гавра. Еще 20 дивизий составляли второй и третий эшелоны вторжения и находились в резерве. Флотилия десантных судов должна прикрываться колонной минных тральщиков в Ла-Манше, а с воздуха несколькими эскадрами люфтваффе. В дополнение к этому предусматривалось десантирование 7-й воздушно-десантной дивизии на стратегические аэродромы Южной Англии для обеспечения высадки сил, предназначенных для вторжения с воздуха.

Джек сразу же сообразил, что задумана операция огромных масштабов, в которой будут задействованы десятки, сотни тысяч немецких солдат и офицеров. Потери с обеих сторон предполагались ужасные, ведь на землю Британских островов нога захватчика не ступала с 1066 года. Тогда британцы потерпели поражение.

– Детали ирландской операции вы можете найти в конце досье, – сообщил Гейдрих.

Джек, не поднимая глаз, продолжал изучать планы. Там, где его подводило недостаточное знание языка, на помощь приходили карты и схемы. Когда он закончил читать документы по операции «Морской лев», то понял, что видит перед собой план крупнейшей военной операции, предусматривающий задействование огромного количества сил с моря и с воздуха, крупнейший во всей военной истории. Он понимал, что операция может пройти успешно, но... ценой скольких человеческих жизней!

Когда он добрался до документов «Операции „Ястреб“», так называлась вторая папка, то понял, что из области точной военной логики операции «Морской лев» он переместился совсем в иную сферу. Было совершенно очевидно, что план операции в Ирландии подготовлен не опытным военным специалистом, а романтическими фантазиями поэтической природы. «Рука Зиферта», – решил Джек. План предусматривал возрождение старого феинистского «an seabhac», Ястреба, как звали организатора Ирландского Республиканского Братства в XIX веке Джеймса Стивенса. Ястреб, вернувшийся в Ирландию из ссылки в Америке, чтобы поднять парней на героическое восстание 1867 года. «Эту жалкую, провалившуюся попытку мятежа», – с раздражением подумал Джек. Группу фермеров возглавляли тогда бывшие солдаты, получившие боевой опыт в Гражданской войне в США. Они обстреляли несколько полицейских казарм, в результате чего оказались в тюрьме. Нынешняя операция «Ястреб» предусматривала выброску в Ирландии еще одного Ястреба с группой ирландских добровольцев, набранных из числа захваченных в Дюнкерке военнопленных. После того как вооруженные немцами Ястреб и его люди окажутся в Ирландии, они должны будут призвать к восстанию около десяти тысяч убежденных членов ИРА в южных графствах. Они освободят лидеров ИРА, «которые были арестованы ирландским правительством и содержались в заточении, в лагере Керрей. Они захватят правительственные здания в Дублине и свергнут коррумпированное правительство де Валеры, которое так хотело сохранить нейтралитет в войне, что „забыло свою истинную миссию“».

«Чистая риторика Зиферта», – решил Джек. Он только сейчас услышал об ирландском нейтралитете. Такой курс показался ему весьма разумным. Джек знал, что ирландский пре-

мьер-министр Эмон де Валера весьма хитрый политик, во всяком случае достаточно хитрый, чтобы не принимать чью-либо сторону в этой драке. Джек продолжал читать.

Все перечисленное должно быть синхронизировано с германским вторжением в Англию в сентябре. Ирландцы, Эйре, смогли бы тогда с некоторой помощью со стороны люфтваффе атаковать британские гарнизоны в Ольстере. Британия, которая окажется в состоянии войны на два фронта, не будет знать, куда наносить первый удар. Зажатая в клещи, она вынуждена будет капитулировать. Германия захватит Англию, а Ирландия вновь станет единой.

Джек закончил чтение и иронически взглянул на Зиферта, потом закрыл досье и положил его на колени.

– А почему не предусмотрена поставка труб для духового оркестра, Вальтер? Или мы должны маршировать на Дублин и Белфаст под волынку?

– Признаю, что концепция в некотором роде романтическая... – начал Зиферт.

– Романтическая?! Черт возьми! Она совершенно опереточная, – перебил его Джек и, поворачиваясь к Гейдриху, заключил: – Спорю, что ваши военные еще не видели плана операции «Ястреб».

Гейдрих сжал пальцы в кулак и одобрительно поглядел на Джека.

– Нет, только мы трое. И фюрер, – добавил он, помолчав. – Военные детали должны быть разработаны на месте. Вот почему мы выбрали для этой работы военного человека, которого знают и которому доверяют ирландцы.

Джек покачал головой и рассмеялся.

– Самое забавное здесь то, что этот план может сработать.

– В таком случае ты сделаешь это. – Зиферт расплылся в улыбке.

– О нет, только не я, Вальтер, мои бои за добрую старую Ирландию окончены. «Урна для голосования, а не бомбы». Не ты ли мне это советовал, Вальтер?

– Ситуация изменилась, – заметил Зиферт.

– Нет, – возразил Джек, – меняются только люди, Вальтер.

– Единая Ирландия, мистер Кавена, – напомнил Гейдрих.

– Конечно, звучит это прекрасно. Но знаете, что я думаю, герр Гейдрих? Вы просто ищете нечто, что сможет отвлечь англичан, когда начнется вторжение. Свобода Ирландии для вас не стоит и двух пенни.

– Возможно, – признался Гейдрих. – Но в таком случае, мистер Кавена, успех Ирландии будет также успехом Германии. И поверьте, судьба Германии меня в высшей степени волнует.

Джек положил папку перед Гейдрихом на стол.

– Нет, спасибо. В Испании у меня было время поразмышлять. И тогда я дал себе одно обещание. Мне бы в высшей степени не хотелось нарушать его в первый же день моего возвращения. Согласитесь, что в противном случае это свидетельствовало бы о моей непоследовательности.

Джек встал и поправил свои фланелевые брюки. Он был доволен собой. Лет десять назад он бы обеими руками ухватился за предлагаемую ему роль Ястреба, освободителя Ирландии. Теперь же это показалось ему детским упрямством, глупой игрой в героизм. И тут его охватило дурное предчувствие: что с ним будет после того, как он узнал о секретных планах?

Гейдрих остался сидеть, барабанил кончиками пальцев по столу.

– Ну, возможно, через несколько дней, поразмышляв над этим... – начал он.

– Какие несколько дней! – прервал его Джек, продолжая свою игру до конца, и, взглянув на Зиферта, добавил: – Ты сказал, что я буду волен уехать.

– Куда уехать, мистер Кавена? – Гейдрих в улыбке растянул свои плотно сжатые губы. – Вы же знаете, что вам физически некуда ехать. Европа принадлежит нам, а все, что вас ожидает в Эйре, так это концлагерь, один из тех, что ваш мистер де Валера организовал для лидеров ИРА.

– Я не являюсь больше членом этой организации. Премьер-министр де Валера знает об этом, – возразил Джек, чувствуя тем не менее, как стальные зубы капкана захлопнулись.

– На вашем месте я бы не был в этом так уверен, мистер Кавена. Как вы объясните ему наш интерес в вашем освобождении из испанской тюрьмы? Или ваш краткий визит в Германию? Рискнет ли он оставить вас на свободе и тем самым поставить под угрозу свою драгоценную политику нейтралитета?

Джек машинально продолжал смотреть на Зиферта, понимая, что попался.

– Нехорошо, Вальтер. Ты меня подвел.

– Ну, это все же лучше Испании, а, Джек? – Зиферт тоже встал. – Лучше, чем еженедельно ходить на казнь. Да, я сказал, что ты будешь свободен. И мы не станем заставлять тебя принимать участие в нашем маленьком предприятии, если ты не захочешь этого. Но теперь, когда ты знаешь о наших планах, я уверен, ты понимаешь, что мы не можем тебе позволить вернуться в Дублин, не рискуя оглаской этих планов. Мы найдем тебе какую-нибудь полезную работу в Берлине, пока не закончатся военные действия.

– Боже, и ты туда же клонишь, куда и он. – Джек кивнул в сторону Гейдриха.

– Возможно, через несколько дней вы измените свое мнение, – повторил Гейдрих. – Сейчас, мистер Кавена, я не стану вас торопить. Я человек терпеливый. Понимаю и вашу горячность. Особенно после двух лет, проведенных в тюрьме, но здесь Германия, а не Эйре. Здесь за языком нужно следить.

Джек вновь почувствовал исходящую от Гейдриха опасность и придержал язык. «Нацистские тюрьмы могут оказаться еще хуже испанских», – подумал он.

– Поговори с ним, Вальтер, – сказал Гейдрих вслед, когда они уже были у двери. – Покажи ему Берлин. Возможно, он увидит, что мы не такие уж чудовища, как он себе представляет. Уверен, здравый смысл у него возобладает.

Зиферт кивнул, отдал честь, и они вышли из кабинета. Джек чувствовал, как у него от отвращения сводит в желудке, будто там залег холодный камень, но он решил сдерживать свой гнев, пока они не окажутся на улице.

Едва за Кавеной и Зифертом закрылась дверь, Гейдрих сразу нажал кнопку селектора и сказал в затрепавший микрофон:

– Пришлите Ранке.

Дверь в дальнем конце кабинета открылась, и вошел молодой капитан в форме дивизии СС «Мертвая голова», высокий, стройный, ростом примерно с Джека, с рыжеватыми светлыми волосами, подстриженными очень коротко, жесткое худое лицо не отражало никаких эмоций. Держа в руке черную фуражку, он четким шагом подошел к столу.

– Вы видели его? – спросил Гейдрих, когда человек стал навтыяжку перед ним.

– Так точно. Но сходство с фотографией невелико.

– Скоро мы его опять откормим. Об этом не беспокойтесь. – Гейдрих смерил гауптштурмфюрера взглядом. – Ваше мнение о нем?

– Он не боится говорить то, что думает.

– Да, – кивнул Гейдрих. – Я бы сказал, он – типичный романтически настроенный ирландец. Он, конечно, согласится. Они всегда соглашаются. Подождем несколько дней. Пусть он осознает свое положение. Затем я продемонстрирую ему нашу козырную карту: захваченный британский документ. Это должно решить дело.

– А если нет? – поинтересовался Ранке, продолжая стоять навтыяжку.

– В таком случае о нем придется позаботиться вам, гауптштурмфюрер. Мы не можем идти на риск и позволить просочиться на свет хотя бы одному слову о нашем плане. Ирландцы уже нервничают, поскольку обнаруживают у себя в Ирландии агентов адмирала Канариса под каждым кустом. Детали оставляю на ваше усмотрение, вы лучше подходите для той роли.

– Слушаюсь. Так точно.

– Внимательно следите за ним. У вас есть время, чтобы его подробнее изучить. Присматривайтесь к его манерам, к походке, поведению. Все, что нами оговорено. Ясно?

Ранке кивнул.

– Вы принесли с собой все необходимое? – спросил Гейдрих.

Последовал еще один короткий кивок Ранке.

– Хорошо. Идите в мою личную ванную комнату, а не в общий туалет. Нам не нужно, чтобы вас видел кто-то посторонний.

Ранке четко отдал честь и, повернувшись, вышел из кабинета через заднюю дверь.

Гейдрих посмотрел на фотографию Кавены, лежащую перед ним на столе. «Терпение, – подумал он. – Слишком мало времени, чтобы найти другую кандидатуру для операции „Ястреб“. Кавене придется согласиться. – Гейдрих был уверен в этом. – В нем слишком много гнева, чтобы сдерживать его длительное время».

Ожидая, пока Ранке загримируется, Гейдрих побарабанил пальцами по столу и вновь поглядел на фотографию Кавены.

«Ранке мастер подобных превращений, – подумал Гейдрих, – недаром в управлении его называют хамелеоном. Но ведь тебя беспокоит не это? – спросил он себя. – Тебя беспокоит непредсказуемая натура ирландца. Но об этом тоже позаботится Ранке. Вот он очень предсказуемый человек, этот гауптштурмфюрер Ранке. Знает, чего хочет».

Прошло еще минут десять. Вновь отворилась задняя дверь кабинета, и вошел... Джек Кавена. В кепке, надвинутой на глаза, в твидовом пиджаке и мятых фланелевых брюках. Но это был в некотором роде обновленный Кавена, не тот, который только что вышел из тюрьмы, а мужчина, полный сил. Он подошел к столу Гейдриха такой же шаркающей походкой, как Кавена, остановился над Гейдрихом и, глядя на того сверху вниз, улыбнулся с тем же дерзким выражением глаз, что и ирландец.

– Отлично, Ранке. – Гейдрих захлопал в ладоши. – Цвет волос безупречен, одежда тоже. – Он внимательно оглядел Ранке и нахмурился. – Момент. Вам нужны будут цветные глазные линзы. У Кавены глаза желтоватого цвета, цвета пива.

– Я заметил это сегодня. Линзы будут заказаны. – Он продолжал смотреть на Гейдриха почти презрительно, что навело оберштурмбаннфюрера на мысль о том, играет ли Ранке свою роль или же выражает подлинные чувства. Наконец он сказал:

– Хорошо, гауптштурмфюрер. Можете идти.

Когда Ранке вышел из кабинета через заднюю дверь, Гейдрих потянулся к зеленому телефону на своем столе. Это был телефон прямой связи с Гитлером.

Глава 3

Полтора дня они были совершенно чужими людьми, живущими в одной квартире.

Уважение, которое питал Джек к Зиферту, исчезло. На смену пришло презрение и недоверие. Они вместе ели, но не разговаривали. Сидели в одной комнате с книгами в руках, но словно не замечали друг друга.

На удивление здоровье Джека быстро восстанавливалось. Аппетит был отличный, силы возвращались быстро. Он вновь ощущал, как напрягаются мускулы спины, благодаря которым он и в тюрьме сохранил прямую осанку. Во сне его больше не преследовали воспоминания о расстрелах, о крови, смешанной с пылью. Он совершал длительные прогулки по парку возле квартиры Зиферта на Фридрихштрассе, наслаждаясь ощущением тепла на лице от ласковых лучей жаркого солнца и легкого пота на груди, словно очищавшим его.

На следующее утро Джек созрел для разговора. Они сидели в кухне за завтраком, словно супруги, для которых молчание было продолжением ссоры.

– Почему ты меня не предупредил, Вальтер?

Вальтер поднял глаза от яйца, с которого он методично снимал скорлупу. Джек же всегда срезал верхушку яйца ножом.

– Он заговорил!

– Без шуток, Вальтер. Ты обязан был быть со мной откровенным с самого начала.

Зиферт продолжал чистить скорлупу. Не глядя на Джека, он произнес:

– Да.

От чашки Джека шел ароматный пар, струящийся, словно сигаретный дым, в солнечных лучах, льющихся из окна, выходявшего во двор.

Когда Зиферт поднял на Джека глаза, то они повлажнели, густой голос звучал проникновенно.

– Это был единственный выход, Джек. Мне пришлось пообещать ему кое-что, иначе он никогда бы не освободил тебя из Моро.

– Гейдрих?

Зиферт кивнул.

– Я не хотел предавать тебя, – продолжал он. – Я беспокоился о тебе все два года после того, как ты был схвачен в Испании. Но ничего не мог для тебя сделать. Затем последовал вызов в Берлин, и меня назначили в ирландский отдел СД. Здесь наконец я увидел, как помочь тебе с помощью операции «Ястреб». Мне казалось, что таким образом я спасаю тебя от неизбежной смерти в Мадриде.

– С помощью безумного плана освобождения Ирландии?

Вновь последовал кивок.

– Ты говорил, что смогу уехать, куда захочу, – напомнил Джек.

– Да, – подтвердил Зиферт, – и ты будешь свободен.

– Свободен? Быть прирученным мятежником в Берлине, так, что ли?

Зиферт вонзил ложечку в белок, добрался до желтка. Жидкий желток потек по подставке для яйца.

– Рискни, Джек. Это все, о чем я прошу. Подумай не только об операции «Ястреб», но и о других возможностях. О том, чтобы некоторое время побыть в Берлине. И если ничего другого ты не найдешь, я лично прослежу, чтобы ты вернулся в Ирландию. А там уже все будет на твой страх и риск. Но обещаю тебе, гарантирую, что туда ты вернешься.

– А что будет с тобой, когда Гейдрих узнает, как ты мне помог?

Зиферт ему в ответ только ухмыльнулся, отправляя ложечку с яйцом себе в рот.

– Значит, договорились, да? – уточнил Джек.

– Я дал тебе слово. Все, чего я прошу, так это подумать, прежде чем требовать от меня выполнения слова. По-моему, это довольно справедливо.

– Я изменился, Вальтер. Я больше не тот бешеный ирландский парень, какого ты знавал когда-то. Сейчас мне просто хочется немного покоя.

– Мы все этого хотим, Джек. Все его ищем.

После долгого молчания Джек произнес:

– Ладно. Я подумаю.

Зиферт просветлел, неожиданная передышка явно обрадовала его.

Ночью Джек не мог заснуть. Он бесшумно вышел из квартиры. На тихой улице, где располагалась квартира Зиферта, он огляделся вправо и влево: убедился, что за ним никто не идет. Приятный ветерок, освежавший его лицо, на миг напомнил ему свежий воздух на вересковых пустошах Ирландии. Судя по всему, он мог приходить и уходить, когда ему угодно. И вот теперь он несколько часов ходил по затемненному городу, бредя куда глаза глядят.

В тюрьме Моро ему все было ясно. Он знал, за что сидит. Знал, чего хотел: просто остаться в живых. Тело измождено голодом и пытками, но ум оставался столь же ясным и незамутненным, словно озеро среди вересковых пустошей.

«Какая ирония судьбы, – думал он, вышагивая по городу, – что по мере возвращения сил мои мыслительные способности ослабевают.

Рискни, говорил Зиферт. Он ведь просит совсем немного», – убеждал себя Джек.

Он увидел указатель к станции метро «Зоопарк». До этого он понятия не имел, где находится. «Банхофцоо», – повторил он про себя название станции. В этой части города ночью было мало прохожих. Несколько сильно раскрашенных женщин в длинных пальто стояли под фонарями вдоль улицы, по которой он шел. Другие сидели на подоконниках и красовались в выходящих на улицу окнах. По тротуару ходили солдаты, рассматривая их и смеясь тем презрительным смехом, каким смеются мужчины, чувствующие себя неуверенно в компании. Джеку невыносимо было слышать этот смех, а сама мысль о каких-то компаниях вызывала отвращение. Он ускорил шаги, заторопился.

Внезапно позади него появились трое солдат, вышедшие из борделя. Их тяжелые армейские ботинки громко стучали по тротуару. Сначала он подумал, что они по простому совпадению вышли на улицу сразу позади него. Однако когда прошел несколько кварталов, а шаги по-прежнему слышались сзади и даже приближались, он насторожился.

Джек понимал, что, несмотря на новый костюм, по его изможденному виду и короткой стрижке солдаты сразу сообразили, что перед ними – недавний заключенный. «Видимо, они думают, что меня только что выпустили из концлагеря», – предположил он. В этот час коммунист, государственный преступник, гомосексуалист и даже еврей для них куда более интересное развлечение, чем лежащая неподвижно на матрасе поперек кровати проститутка. Джек тщетно оглядывался в поисках какого-нибудь бара, в который можно нырнуть. Он оказался в районе высоких домов с темными окнами. «Рабочий район, трудящийся класс, – подумал он, – законопослушные трудящиеся сейчас все дружно храпят в постелях, готовые на рассвете проснуться и начать новый десятичасовой рабочий день. Мелкая жизнь людей, полностью отдавших себя на заклятие промышленности». Он знал, что в таких районах по ночным улицам бродят только бездомные животные.

– Du! – раздался позади него грубый гортанный голос. – Wohin gehst du?⁸

Джек не оборачивался. Он и понятия не имел, куда идет.

«А когда они услышат, как я говорю по-немецки, начнется настоящая забава». Иностранец. Провокатор. Шпион.

⁸ Ты! Куда ты идешь? (нем.)

Он ускорил шаг, внезапно почувствовав усталость. За последние два года он мало ходил и уже слегка задыхался. Шаги позади него становились громче и быстрее. Он свернул в боковую улочку в надежде сбить солдат со следа, но обнаружил, что оказался в тупике. Перед ним выросла каменная стена с валяющимся под ней мусором.

– Halt! – Сильная рука ухватила его за плечо. Горячее дыхание коснулось виска Джека, когда солдат развернул его к себе лицом. – Was machst du dann?⁹

Схвативший его солдат в серой унтер-офицерской пилотке был высок, широк в плечах и нависал глыбой над Джеком. Джек молча переводил взгляд с него на двух других солдат, оценивая их и отыскивая их слабые места. Они напоминали детей-переростков, глупо ухмыляющихся в предвкушении нового развлечения. «Недавно из деревни, судя по их тяжелым крестьянским рукам и румянцу на щеках. Они меня и лупить будут так же радостно, – подумал Джек. – Будут дружно пинать меня в ребра, когда я упаду».

– Was giebt's? Kannst du hicht sprechen?¹⁰

Эти двое предоставили вести разговор своему другу. «Начинай с него, – подумал Джек, – он заводи!» Оружия у солдат не было. «Благодари Бога за маленькие благодеяния», – сказал он себе. Верзиле не понравилось молчание Джека, и он ткнул его пальцем в грудь.

– Bist du ein Jude?¹¹

Приятель солдата рассмеялся тем же наглым смехом, что и на улице перед борделем.

Джек напрягся и принял более устойчивое положение. Он покачал головой, безмятежно улыбаясь этой троице с самым невинным видом.

– Извините, приятели, – сказал он по-английски. – Я просто бедный старый ирландец. Во мне нет ни унции еврейской крови... – Он продолжал улыбаться, глядя на их озадаченные лица. – Но, – добавил он, – если бы я был евреем, то не ответил бы вам так.

Два года лишения, полуголодного существования, побоев, психологических пыток. Два года в холодном, сыром, грязном помещении, где единственными физическими упражнениями были вояжи до места казни. Однако все это лишь на мгновение замедлило реакцию Джека. Первый солдат стоял так близко к Джеку, что достаточно было поднять левое колено и ударить им в пах, чтобы тот сразу отключился. В то же мгновение он со всей яростью, на какую был способен, двинул второго солдата в челюсть – тот и глазом не успел моргнуть. Под костяшками своих пальцев Джек почувствовал плотность его костей, и солдат взвыл от боли. А Джек уже приглядывался к третьему. Однако тот уже распростерся на земле. В руке у него был нож. Наклонившись над ним, Джек обнаружил, что половина головы солдата снесена. Но выстрела Джек не слышал.

Он мгновенно огляделся в поисках стрелявшего, но не увидел никого. Солдат с разбитым глазом стоял опершись о стену и скулил от боли. Заводила блевал в канаву. Джек не стал дожидаться объяснений. Он со всех ног ринулся из этого тупика назад на улицу, по которой только что шел. Внезапно ему очень захотелось оказаться в квартире Вальтера.

Капитан Ранке, прижимаясь к темной двери, подождал, пока Джек завернет за угол и исчезнет из виду.

«Любопытно, – сказал себе Ранке. – У ирландца совершенно определенно есть слабые места. Он не слишком-то хорошо ориентируется в обстановке». Даже не профессионал по ряду явных признаков мог бы сообразить, что улочка, в которую он завернул, на самом деле тупик. Ну хотя бы по тому, что перед ней у перекрестка не было никаких дорожных знаков. Кроме того, любой получивший соответствующую подготовку о наружном наблюдении мог бы

⁹ Стой! Что ты тут делаешь? (нем.)

¹⁰ Что такое? Не хочешь говорить? (нем.)

¹¹ Ты еврей? (нем.)

засечь хвост за собой на пустых городских улицах за несколько часов игры в кошки-мышки. Ранке знал, для того чтобы объект не заметил слежки, в ней должны принимать участие не меньше четырех филеров: один должен идти впереди объекта наблюдения, другой – позади, а два остальных – по противоположной стороне улицы, постоянно меняясь местами через неравномерные промежутки времени.

«Однако Кавена за последние два дня, кажется, так и не обнаружил ведущегося за ним наблюдения», – подумал Ранке.

Он вышел из своего укрытия на тротуар, продолжая на ходу оценивать сильные и слабые стороны Кавены. В рукопашном бою Кавена очень хорош. Не вытащи третий солдат нож, Ранке предоставил бы событиям развиваться своим чередом, чтобы увидеть во всей полноте способности Кавены. Именно нож вынудил Ранке положить конец драке самым жестоким образом. Нож осложнил дело в гораздо большей степени, чем этого хотелось гаупштурмфюреру Ранке. Гейдрих дал ему совершенно ясные указания соблюдать полнейшую секретность этой операции. Никаких свидетелей.

Справа под мышкой согревал кожу упрятанный в кобуру «Вальтер ППК» с глушителем. Одетый в легкое пальто Ранке спокойно и неторопливо подходил к двум оставшимся в живых солдатам. Хорошо, что на нем – цивильная одежда: черная форма СС в этом квартале привлекла бы излишне пристальное внимание.

Солдат, получивший ногой в пах, уже привстал на одно колено, глядя на раздробленную голову лежащего рядом с ним товарища. Другой стонал, держась рукой за свой разбитый глаз, согнувшись чуть ли не вдвое и упираясь спиной в кирпичную стену. Когда Ранке не спеша приблизился, заводила поднял на него глаза. Ранке заговорил первым:

– Господа, с вами все в порядке?

Лицо солдата, корчившегося у его ног, искривилось от боли.

– Ублюдок, ты нас подставил. Что ж ты не предупредил нас, что этот тип умеет так драться. Ты сказал, чтобы мы просто задали ему небольшую трепку. А вот гляди, что ты натворил. – И он показал на мертвого солдата.

Ранке опустил руку в карман пальто.

Лежащий на земле солдат изумленно уставился на продолговатую металлическую трубку глушителя, направленную прямо в его голову. Внезапный, глухо прозвучавший выстрел отшвырнул его назад, и он умер в собственной блевотине, так и не поняв, что же произошло.

Оставшийся в живых солдат глядел на происходившее сквозь растопыренные окровавленные пальцы, словно ре50 бенок, смотрящий фильм ужасов. Он не сделал ни малейшей попытки к сопротивлению, когда Ранке подошел к нему и приставил пистолет к затылку. Чтобы не забрызгать свою одежду кровью, Ранке отступил на шаг, держа пистолет в вытянутой руке, и нажал спусковой крючок. Пистолет дернулся в его руке, и третий солдат рухнул на бульжную мостовую.

Ранке убрал пистолет в кобуру, снял свое легкое пальто, аккуратно положил его на один из стоявших поблизости вместительных мусорных контейнеров. Затем подтащил всех трех солдат за ноги к самому большому из них. Он сложил их ровно в ряд и обшарил карманы. У заводилы в нагрудном кармане кителя лежала купюра в сто рейхсмарок, которую он получил от Ранке. Гаупштурмфюрер забрал деньги и сунул их в карман своих брюк. После этого он запихнул тела в мусорный контейнер и закрыл его крышкой, затем вытер руки, встряхнул пальто, надел его и ушел.

На следующее утро Гейдрих с огромным интересом выслушал доклад Ранке. Лицо его при этом ничего не выражало, лишь губы слегка кривила ироническая улыбка.

– Очень хорошо, гауптштурмфюрер. Это должно дать нашему мистеру Кавене кое-какую пищу для размышлений. Мы вовсе не стремимся, чтобы он чувствовал себя в Берлине слишком комфортно.

– Конечно нет, герр оберштурмбаннфюрер.

– О телах позаботились? Вовсе нет нужды, чтобы вермахт дышал нам в затылок из-за этого достойного сожаления несчастного случая.

Ранке кивнул: этим утром о мусорных ящиках в тупике позаботилась особая команда.

– А какие планы на сегодня?

– Он в университете, герр оберштурмбаннфюрер. Штурмбаннфюрер Зиферт хочет подыскать ему должность на тот случай, если он откажется от задания. С ними наш водитель.

Гейдрих поджал губы.

– Настало время дать ход нашему главному козырю, гауптштурмфюрер.

Ранке молодежато вытянулся по стойке «смирно», и Гейдрих уже не впервые задал себе вопрос: что, черт побери, таится в пустых глазах гауптштурмфюрера Ранке? Гейдрих понимал нужды и желания большинства людей. Как никто он знал, что является движущей силой их поступков: деньги, власть и секс. Но Ранке так и оставался для него загадкой, человеком без проступков и мотивов. Из всех знакомых Гейдриху людей Ранке больше всех приближался к образцу совершенного механизма. И эти качества Ранке бросали Гейдриха в дрожь.

«Пока счет – 0:2», – подумал Джек. Зиферт никак не отреагировал на происшествие с Джеком прошлой ночью и только намекнул, что вполне вероятно, Гейдрих послал наблюдателей для его безопасности. С другой стороны, он не выразил никакого негодования в адрес хулиганов. Разве что менторским тоном сделал выговор Джеку за поздние прогулки по улице. Нельзя выходить так поздно из дому!

То же самое и в университете. В ректорате к нему отнеслись снисходительно, словно он был ученой обезьяной, их персональным ирландцем. «А сейчас надо сделать так, чтобы счет стал 0:3 в мою пользу», – сказал он себе. Министерская вечеринка, на которую они пришли вместе с Зифертом, была в самом разгаре. Джек позволил затащить себя сюда лишь потому, что его заверили: там найдутся женщины, с которыми можно будет познакомиться. Джек не был монахом. Воспоминания о Рени не играли здесь никакой роли.

На вечеринке присутствовал сам Геббельс. Зиферт с гордостью указал Джеку на маленького скрюченного человечка в ортопедическом ботинке, призванном как-то скрыть его колченогость. Он выглядел бледным, одутловатым. Его внешность сразу же вызвала у Джека неприязнь, недоверие. Джека не представили рейхсминистру: сегодня Зиферт был осторожен со своим подопечным. По случаю этой вечеринки Джек облачился во взятый напрокат фрак – обезьяний костюм, стоячий воротник упирался в горло и резал кожу. Зиферту пришлось помочь ему завязать черный галстук-бабочку и показать, как носить нелепый пояс.

Большой зал официальных приемов, как заметил Джек, наполнило множество юных старлеток, светловолосых, с размалеванными лицами. Молодые женщины стреляли глазами по залу, беседуя с пузатыми мужчинами, гораздо старше их по возрасту. Над головой сверкали хрустальные люстры, заливавшие зал каким-то искусственным, словно кинематографическим, светом. Официанты в гольфах бесшумно сновали по залу, высоко поднимая серебряные подносы с фужерами шампанского. Одна молоденькая гостья, в серебристом вечернем платье, с обнаженной спиной, коротко стриженная и с родинкой на правой щеке, улыбнулась Джеку особенной улыбкой, одновременно делая вид, что слушает средних лет полковника вермахта, который разглагольствовал о кампании на Западном фронте. Джек улыбнулся в ответ, но Зиферт потащил его мимо этой пары.

– Она не для тебя, старина. Это полковник Манштейн. Он оторвет тебе голову и мне тоже. Видишь ли, дама эта его личная собственность.

– Как цивилизованно, – прокомментировал Джек, снимая с проносимого мимо одним из официантов подноса фужер шампанского.

– Здесь таких много. Терпение – наш девиз.

– Кажется, я влюбился, Вальтер.

Зиферт проследил за его взглядом и увидел изящную, как статуэтка, женщину с волнистыми каштановыми волосами. Она была одета в брюки для верховой езды и мужскую шелковую рубашку, на шее висел монокль. Женщина быстро, с любопытством взглянула на Джека и снова повернулась к своим собеседникам, шепча им что-то. Те уставились на Джека и отрицательно покачали головами в ответ на какой-то ее вопрос.

– Кажется, она тоже занята. Это Лени Рифеншталь, полагаю, одна из главных режиссеров и любимиц Геббельса.

– Значит, вне пределов досягаемости? – спросил Джек, опрокидывая залпом фужер шампанского.

– Совершенно верно. Вне всякого сомнения.

Они постояли еще какое-то время, рассматривая толпу гостей. Джек выпил еще два фужера.

– Полегче с этим, старина. Знаю, что ты можешь выпить немало пива «Гиннесс», но поверь, французское шампанское значительно крепче. А впереди у нас целая ночь.

– Я намерен сегодня пораньше лечь спать, – сказал Джек, не отрывая взгляда от знаменитой режиссерши.

– Здесь есть кое-кто, с кем я тебя непременно должен познакомить, – неожиданно произнес Зиферт и потянул Джека за рукав к компании, сгрудившейся вокруг плотного мужчины с копной рыжеватых волос. В петлице у него красовалась розовая гвоздика, он размахивал руками, словно дирижер оркестра.

– ...Поэтому я просто сказал этой милой старушке поставить это туда, куда не попадают солнечные лучи, – говорил молодой человек, когда к группе людей подошли Джек и Зиферт.

– Симус, я хочу тебя кое с кем познакомить, – приветствовал его Зиферт.

Человек с гвоздикой в петлице повернулся к Зиферту и Джеку. Окружающие тоже посмотрели на них.

– Да это же Вальтер, чуть было не ставший ирландцем. – Человек говорил с сильным западноирландским акцентом, нисколько не обращая внимания на Джека.

Зиферт проигнорировал его реплику и сказал:

– Это мой большой и дорогой старый друг Джек Кавена. Джек, это Симус О'Тул. Уверен, что ты читал его стихи.

Джек, конечно, не читал. На поэзию у него никогда не хватало времени.

– Кавена! – О'Тул изо всех сил делал вид, что вспоминает это имя. – Конечно, конечно. Звучное ирландское имя. Не так ли? – Он улыбнулся своим поклонникам, которые с удовольствием наблюдали за его игрой. – Не сын ли Неда Кавены?

Джек ничего не сказал.

– Он самый, – ответил за него Зиферт.

– Внимание, дамы и господа, – обратился О'Тул к присутствующим. – Среди нас появился свирепый парень из ИРА. Без сомнения, у него в заглазнике припасен шестизарядный кольт. Теперь мне придется следить за собой и своим поведением.

– Мне нравится ваша гвоздика. – Джек прямо посмотрел в налитые кровью глаза О'Тула. В ответ на это замечание поэт удивил Джека добродушным смехом.

– Простите, но цветы – моя слабость. – Он протянул Джеку мягкую руку. Когда они обменивались рукопожатиями, Джек почувствовал, что рука О'Тула влажная.

«Все это ему нравится не больше, чем мне», – подумал Джек, сообразив, что человек перед ним – не такой уж фат, каким хочет показаться.

– Симус в Берлине уже несколько лет, – сообщил Зиферт Джеку. – Он своего рода знаменитость. Даже по радио выступает.

Окружающие одобрительно закивали, но О'Тулу вроде бы стало неловко от этих похвал.

– Я просто рассказываю о новостях фатерлянда нашим ирландским болотам. Не очень-то творческое занятие.

– Чепуха, – возразил Зиферт, – вы даете ирландцам возможность узнать правду. Я бы сказал, что это совершенно бесценный вклад.

– А мне кажется, что это чертовски рискованное занятие, – заметил Джек.

– Я ставлю на то, что войну выиграют немцы, – сказал О'Тул. – И едва ли это большой риск, чем поднять оружие против британцев.

Собравшаяся вокруг О'Тула группа постепенно стала расходиться, поскольку она не могла принимать участие в беседе двух говоривших по-ирландски соотечественников. О'Тул, по-видимому, не возражал против этого. Во всяком случае, он их не удерживал.

– Вы давно в Берлине, мистер Кавена?

Джек заметил, что после того, как О'Тул остался без слушателей, его сильный ирландский акцент смягчился.

– Недавно.

– Собираетесь пробыть здесь долго?

– Не думаю.

Зиферт кивнул только что вошедшему эсэсовцу.

– Ты поговоришь с ним, Симус, ладно? Расскажи ему свои впечатления о Германии, о том, что ты о ней думаешь.

– Конечно.

Зиферт отошел, оставив Джека и О'Тула вдвоем.

– Вальтер хороший парень... – начал О'Тул.

– Он мой старый друг.

Джек попытался вновь отыскать глазами в толпе женщину по фамилии Рифеншталь, но не нашел.

– Не беспокойтесь за меня, мистер Кавена. Я вовсе не такой простак, каким кажусь. Здесь любят ручных ирландцев. Это их успокаивает. А вы, я вижу, сейчас явно предпочли бы немного поразвлечься в дамском обществе, а не слушать пропагандистские выступления о замечательных достижениях берлинской культуры.

Джек вновь взглянул на О'Тула. Этот человек определенно нравился ему все больше.

– Я не хочу советовать кому бы то ни было сжечь за собой все мосты по эту сторону Ла-Манша. Как это сделал сам.

Джек снова потянулся за шампанским, но не успел взять его с подноса – официант прошел слишком быстро.

– Полагаю, это значит, что пить мне на сегодня достаточно.

О'Тул улыбнулся.

– Прежде чем уйти, позволю кое-что вам сказать. Не в порядке совета, а всего лишь пожелания. Уезжайте отсюда. Не оставайтесь в Берлине, если не хотите сделаться прирученным ирландцем.

«Как ты», – подумалось Джеку, ведь О'Тул намекал именно на себя.

– Берлин – это вонючая дыра. Здесь нет никого, кроме офицеров и молодых старлеток атлетического телосложения. Все приличные люди уехали отсюда после падения Веймарской республики. Нормальный парень может здесь вполне умереть от скуки.

Джек ничего не сказал, хотя и сам думал так же.

– И чтобы не начать сразу же донимать разговорами о своей славной молодости в Доне-голе или любимом пабе в Дублине, я откланиваюсь. Полагаю, что сегодня здесь для вас най-

дется кое-что поинтереснее, чем выслушивать речи плаксивых ирландцев. Об этом говорят украдкой бросаемые на зал ваши взгляды. Будьте молодцом. Надеюсь, скоро вы услышите мое выступление по радио.

Глава 4

На следующий день Джека и Зиферта вновь вызвали к Гейдриху. Джеку сообщили, что ему необходимо ознакомиться с одним документом.

Гейдрих пояснил, протягивая Джеку бумагу:

– Мы нашли это в сбитом самолете. Думаю, вас это может заинтересовать.

Шеф СД, неподвижно восседаая за своим массивным столом, мрачно улыбнулся.

Джек внимательно осмотрел документ. Бумага пострадала от морской воды, но машинописный текст на ней все еще можно было легко прочитать:

«Военное министерство

Лондон

15 августа 1940 года 17:00

Полковнику сэру Бульверу Миллхаузу,

командующему противоповстанческими силами

Ее Величества

Белфаст

Премьер-министр выразил пожелание проинформировать Вас, что разработанный план вторжения в Эйре (план W) был рассмотрен министерством и целиком принят. Как и вы, так и премьер-министр неоднократно указывали, что реокупация договорных портов Эйре имеет жизненно важное значение для обеспечения безопасности британского флота и беспрепятственной доставки необходимых грузов в Британию.

Ваш вспомогательный план, предусматривающий движение несколькими колоннами по Шеннону и далее с целью захвата Ирландского военного штаба в Кюррсе, все еще находится на рассмотрении премьер-министра, который в нынешних чрезвычайных обстоятельствах относится к нему в высшей степени благожелательно. Он должен, однако, как вы понимаете, выждать подходящий момент для введения такого плана в действие.

Премьер-министр вновь выражает желание, чтобы я заверил вас...»

Первая страница на этом обрывалась. Второй не было. Джек дважды перечитал документ и почувствовал, как гнев, словно пламя, вспыхнул в нем.

– Одна из наших подводных лодок подобрала сбитого над Ирландским морем пилота, – пояснил Гейдрих. Его осветил солнечный луч. Сегодня портьеры в роскошном кабинете Гейдриха были отдернуты, и солнечные лучи через громадные, от пола до потолка, окна залили часть помещения.

– Могу я взглянуть на это, Джек? – Зиферт протянул руку, и Джек передал ему документ.

– Кожаный футляр, пристегнутый к запястью пилота, – спокойно продолжал Гейдрих, – к сожалению, открылся при ударе самолета о воду. Однако наиболее важная часть информации сохранилась.

Зиферт прочитал документ. Закончив чтение, прищелкнул языком. Джек подошел к окну и, повернувшись спиной к Гейдриху и Зиферту, стал смотреть вниз на улицу. По улице, освещенные солнцем, шли пешеходы, их длинные тени скользили по тротуару. Люди были заняты повседневными делами. Джек несколько минут наблюдал за ними. Старый способ сосредоточиться, когда разум затуманивают сильные эмоции. Этому Джека научил Зиферт. Проходившая по улице женщина несла корзину с продуктами, из которой выглядывали краюшка черного хлеба и бутылка молока. Ее обогнал деловой человек в элегантном синем костюме с корич-

невым портфелем. Он приподнял перед женщиной шляпу. Длинношерстная такса обнюхала тротуар под липой, подняла лапу и справила свою нужду.

– Пилот погиб?

По-прежнему стоявший спиной Джек услышал вопрос Зиферта.

– Да, – ответил Гейдрих. – Он был только курьером. И скорее всего, ничего не знал о содержании футляра. Например, о точном времени операции. Нам известно, что этот план настолько секретен, что они не рискнули передать его по радио из опасения его расшифровки. Но нам повезло. Удача оказалась на нашей стороне.

Джек продолжал смотреть вниз на уличную сценку. Солнце било ему прямо в глаза, грело лицо и грудь. Он уже принял решение. Хотя на самом деле он знал, как поступит, еще в первый день своего пребывания здесь.

«Все это не для меня», – сказал он сам себе, продолжая наблюдать жизнь улицы, домашнюю обыденную жизнь, которая казалась ему такой желанной.

Он резко повернулся к Гейдриху и спросил:

– Давно у вас этот документ?

– Ну... – Гейдрих развел руками.

– Когда я впервые пришел сюда, он уже был у вас?

– Да.

– И придерживали его в качестве решающего козыря?

Гейдрих кивнул.

– Вы прежде дали почувствовать мне всю невозможность моего пребывания здесь. Провели артподготовку перед началом атаки. Да еще эти головоломы прошлой ночью. Вполне вероятно, что все это вы сами подстроили.

Гейдрих принялся горячо отрицать такое предположение:

– Уверю вас, к нападению я не имею никакого отношения. В настоящее время следствие по этому делу продолжается.

– Конечно, – согласился Джек. – И вот этот документ, который вы дали прочитать, должен убедить меня стать Ястребом? Мистером Шюком, как англичане произносят это ирландское слово.

– Вы мне нравитесь все больше и больше, мистер Кавена, – сказал Гейдрих. – Вам ничего не нужно слишком долго объяснять.

– А почему я должен верить этому документу? Курьер мертв. И вне всякого сомнения, в вашем ведомстве есть целый отряд, который ничем более не занимается, как фабрикацией подобных фальшивок.

– Верно. – Гейдрих глубоко вздохнул, ухмыльнулся и покачал головой. – Но ведь на самом деле вас не следует убеждать в подлинности документа? Вы же не верите, что это – фальшивка, мистер Кавена? Факты свидетельствуют против этого. Во-первых, если бы мы хотели изготовить фальшивый документ, он безусловно был бы содержательнее, носил бы более законченный характер, чем этот. – Он указал на подмоченную страницу с разводами от воды, которую Зиферт все еще держал в руках. – По крайней мере, мы бы указали точное время, с учетом которого вы должны были бы действовать. Добавили бы сюда несколько конкретных деталей, что придало бы документу большую убедительность, и придумали бы понадежнее способ, которым мы якобы получили его, не ссылаясь на случайность. Во-вторых, вы прекрасно понимаете, что документ подлинный, поскольку знаете англичан. Вам известно, на что они способны. Вы на себе испытали их двуличие.

– Мне этот документ представляется подлинным, – вставил Зиферт.

Гейдрих бросил на него тяжелый взгляд, словно приказывал замолчать, и Зиферт явно покраснел.

– Хотя я вряд ли могу считаться специалистом в подобного рода делах, – добавил шеф СД.

Джек и в самом деле понимал, что письмо подлинное. Он чувствовал это инстинктивно, как время утром перед пробуждением, как приближение дождя по запаху ветра.

Да. Он уже принял решение. Последние дни он просто тянул время.

Жить в Берлине даже недолго – это не для него. В этом его убедила и вчерашняя встреча с О'Тулом, если только он нуждался в подобном подтверждении. Побег с помощью Вальтера был также невозможен, поскольку такой поступок, вне всякого сомнения, навлек бы месть Гейдриха на его друга. У него оставался единственный выход – участие в операции «Ястреб». Джек испытывал такое чувство, будто его истощенный лишениями мозг помимо его воли искал аргументы, позволявшие вновь принять участие в этой смертельно опасной игре.

«Если в Ирландии назревают большие события, – решил он, – то пусть они происходят вместе со мной, чем без меня. Не соглашусь я, то они найдут другого Ястреба», – это он понимал отчетливо. Тогда в Ирландию направят кого-то еще, возможно недостаточно умелого, чтобы сорвать готовящуюся операцию. А вдруг этот кто-то развяжет еще одну гражданскую войну, или его подготовка потребует столь длительного периода, что у англичан окажется в запасе достаточно времени для осуществления своего плана вторжения в Эйре.

Джек хорошо понимал, что для него уже не будет ни мира, ни покоя, ни места на земле до тех пор, пока Ирландия не перестанет быть картой в чужой игре, пока не станет единой, сильной и избавленной от присутствия чужих армий.

«Одобрила бы это Рени?» – подумал он и решил, что, по крайней мере, она бы его поняла.

Он снова отвернулся к окну и стал смотреть на таксу, которая, справив свою нужду, поскребла лапами по тротуару и, переваливаясь на кривых лапах, весело побежала по мостовой, не думая о том, кто ведет ее на поводке.

– Это меняет дело, Джек, – сказал Зиферт.

Джек, игнорируя его слова, наконец повернулся от окна и поглядел прямо на Гейдриха. Несколько мгновений они не отводя глаз в упор смотрели друг на друга.

– Хорошо, – наконец произнес Джек. – Вы нашли вашего Ястреба, вашего мистера Шюка, но я ставлю два условия.

Гейдрих хотел было возразить, но Джек не дал ему произнести ни слова.

– Я сделаю все по-своему, это во-первых. Я сам определю, как мы захватим Юг. Мой выбор – это бескровный переворот. Не хочу, чтобы ирландцы снова убивали ирландцев, как это было в двадцатых годах. Наши враги – англичане. И мы будем сражаться с ними, после того как захватим власть в Дублине. Но только на моих условиях.

Он выждал, сделав паузу. Гейдрих наблюдал за ним с лишенным всякого выражения лицом.

– И во-вторых, – продолжил Джек. – Нам не нужно никакого германского участия. Никаких ударов люфтваффе с воздуха, никакого оружия немецкого производства. Дайте нам американское или даже английское оружие. Десять тысяч винтовок. И вы получите свое восстание, герр Гейдрих. Но если я только почувствую предательство с вашей стороны и если хоть в чем-то заподозрю с вашей стороны обман или узнаю, что вы используете Ирландию исключительно в своих собственных целях, то я не только прекращу операцию, но и прослежу за тем, чтобы ваше вторжение провалилось. Это вам ясно?

Кислое выражение лица Гейдриха явно указывало, что ему не понравился тон Джека, но он тем не менее кивнул в знак согласия.

– Вальтер – свидетель, – сказал Гейдрих.

Ни Гейдрих, ни Джек не сделали ни малейшей попытки пожать друг другу руки.

– Тогда перейдем к делу, – предложил Джек. – Операция «Морской лев» предусматривает начало вторжения пятнадцатого сентября. Верно?

Гейдрих кивнул.

– И сколько у вас остается?

– Три недели, Джек, – четко ответил Зиферт.

Джек сощурился, подсчитывая дни.

– Это означает, что у нас меньше недели, чтобы подобрать и подготовить группы здесь, в Германии. И еще недели две на проведение всей необходимой подготовки в Ирландии. Времени маловато. Очень мало, – повторил он.

– У нас получается примерно такой же расклад, мистер Кавена, – сказал Гейдрих.

Но Джек его не услышал. Он поднес руку к лицу и теребил подбородок.

– Где, говорите вы, содержатся ирландские военнопленные?

Ранке встал поздно. Он лениво бродил по квартире, которую на всю неделю предоставила в его распоряжение берлинская резидентура. Шторы задернуты, и в квартире царил полусумрак. Мебели в квартире было мало. Ранке ходил по комнатам босиком, чтобы не беспокоить нижних жильцов. Вообще-то его совершенно не интересовал их покой, но ему менее всего хотелось, чтобы нудные жалобы жильцов осложнили подготовку к выполнению задания.

Ранке, однако, позволил себе роскошь послушать музыку. Пустую квартиру наполнял чудесный голос Карузо, исполняющего арию из «Турандот».

Стены квартиры были голыми, если не считать развешанных здесь и там черно-белых фотографий, которые он вырвал из старых газет в Национальной библиотеке. Ранке улыбнулся, подумав о том, как будет разозлен этот официально державшийся старый ублюдок на книжной выдаче, когда увидит, что произошло с его драгоценными газетами. Ранке тогда даже вырезал их не ножницами, а просто выдирая фотографии из газет. Поэтому у висящих на стене фотографий были неровные, рваные края.

Ранке ходил по комнате, бросая мимолетные взгляды на группы людей, изображенных на этих маленьких фотографиях, и своим острым зрением пытался отыскать среди них человека, который представлял для него сейчас особый интерес. Он уже раз десять прошелся по комнатам. На каждый его круг уходило ровно столько времени, сколько пел Карузо свои арии из оперы Пуччини. Завершив очередной круг, Ранке ставил пластинку граммофона заново и опять начинал свое хождение.

Он уже узнавал этого человека, чувствовал его. В понедельник он посетил берлинское отделение звукозаписи Пате. И знал, что человек этот, судя по голосу, был живым и энергичным, особенно во время своего президентства в Ассамблее Лиги Наций. Но пока Ранке годились и неподвижные изображения на фотографиях.

Теперь Ранке стоял в прихожей и рассматривал большой портрет, вырванный из недавно изданной биографии этого человека, которую он тоже отыскал в библиотеке. Портрет открывал целую серию его изображений. Ранке подумал, что человека на снимке нельзя назвать красивым, хотя у него и выразительные черты лица. Верхняя губа, довольно вытянутая, как помнил Ранке по более ранним фотографиям этого человека, скрывалась за усами, иногда он заводил к ним и бороду. Но на фотографии, которую Ранке сейчас разглядывал, губа была лишена всякой растительности. Длинные уши, и плотно сжатый рот, и выдающийся вперед подбородок сочетались со свирепым выражением лица. Хотя, по слухам, человек этот не был и наполовину таким мрачным, как казался. В кругу своей семьи, шестерых детей и жены, он был, как писал биограф, «мягким человеком, любящим смеяться», «морщинки в углах его глаз собирались в добрую улыбку, когда дети музицировали и читали стихи во время семейных вечеров».

Жестоко истерзанная, мятая и изрезанная биография валялась сейчас возле граммофона. Ранке еще раньше пробежался по ней, запоминая для себя главные этапы жизни этого человека, полусиротское детство в дядиной семье, упорное учение и призы за успехи в школе, изу-

чение математики. Создавалось впечатление, да и биограф об этом написал, что «он мог стать математиком мирового класса, если бы не избрал политическую карьеру».

Ранке отметил эту часть информации: он привык иметь дело с математическим умом. Гейдрих тоже питал страсть к математике, равно как и к музыке.

Похоже, этот человек все еще интересовался проблемами вычисления и топологии, равно как и любил физические упражнения, длительные прогулки. Его рост шесть футов и один дюйм. Плотное атлетическое телосложение с мощной широкой грудью. Ранке отметил, что его герой по-прежнему проходил в неделю пешком по двадцать миль, хотя через несколько месяцев ему исполнится пятьдесят шесть лет.

Все это узнал Ранке и еще многое другое. Он вбирал всю информацию в себя и откладывал ее в своем подсознании. Ранке понимал, что никогда нельзя заранее сказать, что из этой информации пригодится при проведении подобной этой операции. «Без солидного фундамента дом никуда не годится», – напоминал он себе. Без тщательно разработанного плана любая операция может пойти насмарку. Информации личного характера никогда не может быть слишком много.

Возьмем, например, один только факт, имевший место вчера вечером: человек был ревностным католиком, ходил к мессе ежедневно. «Если представлялось возможным», как отметил биограф. Недавно он потерял сына в автокатастрофе. Однако это только укрепило его веру во Всесовершенного. Наверняка он выделил один из дней сентября для посещения могилы сына и уединенного общения с его душой. Знать такого рода детали для Ранке было жизненно необходимым, так как регулярное посещение одного какого-то места создавало определенные возможности и могло оказаться весьма полезным при проведении операции, стать краеугольным камнем ее успеха.

Имелось еще несколько отрывочных сведений, на которые он натолкнулся вчера вечером. Первое. Близкие друзья прозвали его Дэвом. Второе. Зрение его быстро ухудшалось. Ему необходимо носить очки. И даже в очках он едва узнавал своих старых верных друзей с расстояния в пять футов.

Этот факт имел для Ранке особое значение. «Эти пять футов могут оказаться самыми важными футами в истории», – подумалось Ранке.

Гауптштурмфюрер СС Иоахим Ранке очень хорошо осознавал ход истории и ту роль, какую он в ней играет.

А сейчас Ранке, отбросив все мысли, начал свой последний круг по комнатам. Сначала он шел напряженно и медленно. Затем, по мере того как он почти машинально узнавал на фотографиях нужного ему человека, походка его убыстрялась. Остановившись у последнего фото, в добрых четырех футах от него, он сказал на сносном английском:

– Привет, Дэв. Как поживаешь? Как домашние?

И затем, подняв руку, изобразил два пистолетных выстрела.

Глава 5

В Дублине не были слепы и не оставались в неведении относительно махинаций враждующих государств по втягиванию Ирландии в огонь общеевропейской войны. Шпионов здесь, как немецких, так и английских, было не меньше, чем вереска на пустошах, и все они одинаково докучали ирландскому правительству.

В 1940 году главной организацией в Эйре, отвечающей за внутреннюю безопасность, – не только за контрразведку, но и за борьбу с доморощенными горячими головами, как, например, с членами ИРА, которые могли втянуть страну в войну против Англии, – был специальный отдел Гарды Спochаны, или просто Гарды, как все называли национальную полицию. Задачей специального отдела и являлось предотвращение такого развития событий.

Через день после заключительной встречи в Берлине Джека Кавены с Рейнгардом Гейдрихом в Дублине произошли события, которым суждено было оказать прямое воздействие на операцию «Ястреб» и которые могли привести к тому, что план операции будет поставлен под угрозу до начала его выполнения.

Старший инспектор специального отдела Максвелл выпрямившись сидел на заднем сиденье «форда» 1938 года выпуска, катящегося по оживленной Графтон-стрит. Стояла жара. Однако этот маленький аккуратный человек не делал погоде никаких уступок в одежде: как всегда, на нем был синий костюм, на коленях лежала новая, с иголки, шляпа. Над верхней губой его чернела тонкая нитка усов.

Когда-то он решил, что это придает ему бравый военный вид, но сейчас он о своих усах просто забыл.

Максвелл хотел опустить боковое стекло – внутри машины сильно разило одеколоном, к употреблению которого он так и не мог привыкнуть.

Он отвел глаза от высокого, хорошо сложенного прохожего с непокрытой головой, за которым они сейчас следили, и искоса взглянул на своего соседа, Хьюстона Стюарта Фитцвильяма, теневого министра безопасности правительства Ирландии. Ноздри Максвелла дважды дернулись, непроизвольно реагируя на исходящий от того запах одеколона.

Фитцвильям поглядел на него и улыбнулся во весь рот. Такое несдержанное изъяснение чувств со стороны Фитцвильяма обеспокоило Максвелла, и он вновь стал внимательно следить за прохожим, чья физиономия в очках возвышалась над сновавшими по тротуару дублинцами. Человек шел очень быстро, отчего полы его пальто развевались. Максвелл решил все же не опускать стекло, чтобы быть незаметнее.

– Теперь вы видите, что я имел в виду, старший инспектор, – сказал Фитцвильям. – Он продолжает настаивать на дневных прогулках. А с точки зрения безопасности, они создают массу проблем. В других же отношениях это чисто формальный вопрос.

Максвелл придиричиво прикинул все возможные стороны обеспечения безопасности премьер-министра, пока Фитцвильям произносил свою тираду. Он отметил двух парней мощного телосложения, сержантов ирландской армии, которые сопровождали их подопечного – один спереди, другой – сзади. Они были незаметны так же, как только могут быть незаметны армейские сержанты среди гражданских. Словом, это означало, что они бросались в глаза всякому, словно грабители в доме викария. Но их присутствие, как отметил Максвелл, давало нужный эффект, удерживая население на некотором удалении от их любимого премьера и давая Эмону де Валере, высокому прохожему с непокрытой головой, за которым следили Максвелл и Фитцвильям, определенную степень уединения и безопасности во время его энергичной прогулки по городским улицам.

– Вы, конечно, понимаете, – сказал Фитцвильям, словно угадывая его мысли, – что я лично редко сопровождаю мистера де Валеру. Эта обязанность возложена на регулярную

армию. Так было решено в моем кабинете на Стивенс-Грин. А впредь повседневная работа по обеспечению безопасности премьера ложится на вашу Гарду.

Максвелл отвел взгляд от де Валеры и снова поглядел на Фитцвильяма, который по-королевски вальяжно развалился в углу «форда». А скорее, как внезапно понял Максвелл, и это, пожалуй, ближе к правде, он прятался, опасаясь, что вдруг кто-то из его богатых друзей увидит его в таком плебейском автомобиле. Не дай Бог, дублинцы разглядят своего теневого министра, курирующего вопросы безопасности на их острове. Одетый в розовую рубашку с желтым галстуком-бабочкой, в белый полотняный костюм и элегантные туфли ручной работы, Фитцвильям имел основание прятаться, потому что очень походил на карикатуру из журнала «Панч». Фитцвильям вновь с широкой улыбкой посмотрел на Максвелла. Он улыбался беззубой улыбкой, от глаз разбегались веселые лучики морщин.

«Полагаю, я бы тоже улыбался так беззаботно, если бы переложил на другого эту неблагодарную заботу обеспечить безопасность человека вроде де Валеры, который совершенно не обращает на нее внимания», – подумалось Максвеллу. Поскольку он прекрасно знал, что означает на самом деле такая приятная, неторопливая поездка вдоль тротуара: ответственность за обеспечение личной безопасности премьера снимается с ирландской армии, которой непосредственно ведал Фитцвильям, и передается специальному отделу Гарды.

«Будто нам мало своих забот с ИРА и с немецкими шпионами», – подумал Максвелл, но ничего не сказал.

Им засигналил мотоциклист в черном, который не мог отличить их машину от других, поскольку на ней не было никаких особых знаков. Водитель их машины высунул руку и махнул мотоциклисту, чтобы тот обгонял их.

– Эта работа требует высочайших такта и предупредительности, – продолжал Фитцвильям. – Высочайших. Вы и ваши люди должны полностью раствориться в окружающей среде на всех официальных мероприятиях.

– О, у нас в Гарде немало невидимок! – сказал Максвелл не без сарказма. Его тон не ускользнул от внимания Фитцвильяма.

– Это огромная ответственность, старший инспектор, – сказал он почти с упреком.

– Уверен, что это так, сэр. Не возражаете, если я вам задам один вопрос?

– Все нет.

– Почему именно я? – По колебанию Фитцвильяма Максвелл мог понять, что тот не ожидал подобного вопроса. «В высшей степени вероятно, – думал Максвелл, – что он рассчитывал, будто я буду польщен и начну вилять хвостом при одной только мысли, что мне поручено быть главой охраны премьера. Действительно, почему именно я?» Хотя Максвелл подозревал почему: Фитцвильям определенно нашел эту работу обременительной и чертовски скучной. К тому же весьма вероятно, что она серьезно мешает его личной жизни. «Обеспечение охраны жизни премьер-министра такая работа, о которой не упоминают, пока все идет хорошо, – подумал Максвелл. – Наверяд ли это стихия Фитцвильяма. Наконец, Фитцвильям меньше всего видит во мне конкурента. Отдай он эту работу другому, и вполне может случиться, что получит возле себя весомого конкурента, стремящегося использовать благоприятную возможность для выдвижения. Но я... Фитцвильям считает, что с моей стороны опасность ему не угрожает. Суперинтендант – вот что, по его представлению, предел моих мечтаний. И Фитцвильям прав», – неохотно признался Максвелл.

Но обо всем этом они и не заикнулись.

– Премьер сам попросил вас, – сказал Фитцвильям.

– Но я никогда с ним не встречался.

Фитцвильям откинулся на дешевую дерматиновую обивку сиденья.

– О, но он знает о вашей работе, старший инспектор. И о вашем последнем успехе с этим немцем.

– Вряд ли это можно назвать успехом, – сказал Максвелл. Глядя из окна машины, он вдруг понял, что потерял в толпе на Графтен-стрит де Валеру из вида. Затем он вновь увидел премьера, когда тот остановился перед витриной магазина одежды Свитцера, близоручко уставясь на брюки и пиджаки, выставленные в витрине, совсем как обыкновенный покупатель.

«Ему хочется окунуться в повседневную жизнь простых людей, – решил Максвелл. – Вот в чем цель этих дневных прогулок. Он хочет почувствовать себя хотя бы на несколько минут обычным гражданином».

Он вновь повернулся к розовощекому Фитцвильяму.

Успех, о котором упомянул Фитцвильям, заключался всего лишь в том, что обыкновенного, довольно заурядного агента абвера, арестованного на западе Ирландии, удалось склонить к сотрудничеству. Он стал так называемым двойным агентом и начал работать против своих хозяев, получая сообщения из Ганновера. Обрато он передавал дезинформацию, подготовленную в специальном отделе. Перевербовка этого агента, некоего Вольфганга Перетца, бывшего силача из цирка, жившего в двадцатых годах в Ирландии, была начата упоминанием о перспективе оказаться болтающим на веревке. Работа была завершена организацией встречи с женой, которую он бросил больше десятка лет назад: угроза вернуться в лоно семейного очага оказалась чуть ли не таким же сильным аргументом, как и виселица.

– Перетц все сообщил в первые пять минут допроса. Он совсем не похож на сурового наци с пропагандистских плакатов. Мы провели уже два сеанса связи. Таким образом, он легализовался в Ирландии как немецкий агент. Абверовский центр в Ганновере ожидает от него сообщений дважды в неделю. Создается впечатление, что до сих пор он говорил правду о своем задании и что Ганновер интересуется только движением судов через порты Белфаста и Дюилалгера, метеосводками, необходимыми люфтваффе, и разными сведениями о моральном состоянии населения и прочей подобной информацией. Кстати, немцы взяли для Эйре кодовое название «Макрель». Звучит для нас, к слову сказать, довольно неприятно. В любом случае все это обыкновенная рутинная работа. Пока нет ничего выдающегося.

Услышав последнюю фразу, Фитцвильям взбодрился. «Наверное, ему понравилась фраза „ничего выдающегося“», – подумал Максвелл.

– Возможно, исполнение служебных обязанностей и кажется вам рутинной, старший инспектор. Для нас же эта двойная игра является в некотором роде достижением. Наши английские кузены будут завидовать.

– А они знают об этом?

Фитцвильям улыбнулся.

– А как же наш нейтралитет?

Для Максвелла это был серьезный вопрос. Длительное время он упорно работал над сохранением нейтрального статуса своей страны. Перед тем как заняться делом Перетца, он руководил операцией по захвату высших руководителей ИРА. Задание пришлось Максвеллу по душе, поскольку у старшего инспектора были личные причины выпотрошить это братство: только в прошлом году он потерял свою жену, тридцатитрехлетнюю Маргарет, погибшую в Дублине от взрыва подложенной боевиками ИРА бомбы.

Фитцвильям, однако, отмахнулся своей маленькой розовой ручкой от вопроса о нейтралитете и самодовольно рассмеялся.

– Ну, будьте же серьезны, старина. Бывает нейтралитет и нейтралитет. Разумеется, мы не хотим в этой войне сражаться ни с немцами, ни с англичанами. Мы четко дали понять это всему миру. Но заметьте, что и противное предложение никогда не было упомянуто. И могу вас заверить, старший инспектор, не будет никогда упомянуто, так как оно совершенно нелепо. Англичане могут быть нашими извечными врагами, но в то же время они для нас что-то вроде якоря в бушующем море. Не так ли? И если немцы думают, что смогут использовать нашу старую вражду, то ошибаются. Заверяю вас. В таком глобальном конфликте, какой мы видим

сегодня, старые обиды раньше или позже забываются, и семья сплывается в единое целое. Со временем станет абсолютно ясно, на чьей стороне наша симпатия. Лояльность наша, уверяю вас, старший инспектор, не на стороне этих ужасных гуннов.

Фитцвильям вновь неестественно захихикал, его смех напоминал звук никак не желающего заводиться автомобиля.

– Да, мистер Максвелл. Есть нейтралитет и нейтралитет. Возможно, мы действительно более нейтральны в отношении Британии, в чем нас некоторые и обвиняют. Но если это и так, то лишь в силу необходимости. Уверен, вам известно, сколько жизненно необходимых нам грузов мы получаем из Соединенного Королевства, правда?

Максвеллу было известно, но Фитцвильям не стал ждать его ответа.

– Более половины потребляемого нами угля, корма, черные металлы. А что мы получаем из Германии? Опереточных шпионов и вмешательство в наши внутренние дела. Тем не менее в данный момент вряд ли разумно открыто выступать на стороне Британии, не так ли? В конце концов, похоже на то, что они проигрывают войну. – Он глубоко вздохнул. – О, мы находимся между чертом и дьяволом, старший инспектор. Теперь, возможно, вам стало ясно, насколько важен наш премьер. Этот человек, глазающий на отрез донеголского твида, как обычный, приехавший из глубинки покупатель из графства Майо. Он держит в своих руках кусочек всемирной истории, и он единственный человек, способный провести старушку Ирландию через предательские рифы нейтралитета.

Фитцвильям заметил, как Максвелл поджал губы, услышав это мелодраматическое заявление.

– Все обстоит именно так. Я не преувеличиваю, старший инспектор. Эмон де Валера оставит след в истории, уверяю вас. Никто, кроме него, не может здесь сохранить мир. Здесь, в нашем доме, сдерживать ИРА и наших доморощенных фашистов-синерубашечников. Не дать им свергнуть правительство на севере... – Наконец он остановился, заметив растущее раздражение Максвелла, вынужденного выслушивать назидательную лекцию. – Полагаю, вы меня поняли? – сказал Фитцвильям.

Максвелл кивнул.

– Вы имеете в виду, что, удерживая Ирландию от союза с Германией, де Валера дает возможность Англии не думать о войне на два фронта?

Это грубовато-прямодушное объяснение дало положительный результат – Фитцвильям окончательно заткнулся.

Премьер-министр снова двинулся по Графтон-стрит в сопровождении двух военных, взмокших от пота в шерстяной зеленой форме. Под теплыми лучами солнца, заливавшими в тот день Дублин, им было жарко.

Фитцвильям больше не пытался вести вежливую беседу, и Максвелл мог спокойно поразмышлять о де Валере, пока премьер-министр топал по тротуару, а они не спеша катили за ним в «форде».

Максвеллу нравился де Валера. По крайней мере исходя из того, что он знал о нем. Он восхищался его интеллектом и тем, что тот, будучи главой государства, отказался выступать в роли прямого наместника католической церкви. Он также уважал премьера за жесткую политику в отношении ИРА. Де Валера сам был когда-то членом этой организации и дружил со многими из тех, кто сейчас сидел в Керрее. Он потерял старых товарищей, умерших от голодовок. Он не отступил перед шантажом подобными крайними мерами и не сделал таким заключенным каких-то особых поблажек. Своей позицией он нажил немало врагов среди бывших товарищей по оружию со времени объявления «чрезвычайного положения». Нейтральная Ирландия не участвовала в войне. Но де Валера принял на себя также и расширение полномочий, которыми, как говорили некоторые оппоненты, он злоупотреблял. Максвелл знал, что жизнь –

штука сложная. Де Валера больше не был просто героем 1916 года и почтенным государственным деятелем со склонностью к математике и религии.

Максвелл обнаружил, что машинально покачивает головой. Фактически у де Валеры было полно врагов, внутренних и внешних. И Максвелл решил, что сегодня охрана премьера более важное задание, чем даже подавление деятельности ИРА.

* * *

Джек Кавена. Гауптштурмфюрер Иоахим Ранке. Старший инспектор П.С. Максвелл. Судьбы трех этих людей должны будут вскоре пересечься и столкнуться. Четвертый персонаж в тот вечер был занят более земными делами.

В Северо-Западной Ирландии дни стояли пока длинные. В восемь часов вечера солнце еще висело на западе, ярко освещая облака. Высокая фигура Бриджит О'Тул склонилась над открытым капотом «морриса» 1931 года выпуска. Ее отливавшие медью под лучами заходящего солнца волосы золотистым нимбом окружали лицо с волевым подбородком, высокими скулами и смешно вздернутым веснушчатым носом.

Ловкими руками Бриджит ощупала двигатель, отыскивая обрывы в электропроводке, сняла крышку карбюратора в поисках ржавчины и влаги, проверила надежность крепления клемм аккумулятора, затем двинулась обратно по блоку цилиндров в направлении бензонасоса.

– Это будет твоей головной болью, Донал, – сказала она, поворачиваясь к молодому человеку с тонкими чертами лица, беспомощно стоявшему рядом.

Бриджит вытащила гаечный ключ и длинную отвертку из глубоких боковых карманов комбинезона. Комбинезон она сшила сама так, чтобы вместить целый набор инструментов, которые она ежедневно носила с собой: пассатижи, отвертки всех размеров, как обычные, так и крестовидные, карманные тиски и двухдюймовый разводной гаечный ключ, подходивший к любому из разбросанных вокруг их маленькой фермы механизмов – от трактора до генератора ветряной мельницы. В задних карманах у нее лежали также проволочные капканы на зайцев, пакетики с семенами и кусок четвертьдюймовой, хитро загнутой толстой проволоки. Проволоку она использовала, чтобы включать механизм расположенной в низине оросительной системы при поливке сада за кухней.

Донал с удивлением смотрел, как она с усилием вытащила из паза бензонасос, отсоединив при этом резиновые шланги и металлические узлы, оставив концы свободно болтаться.

– Хаммити-даммити сидел на стене...

Но Бриджит с очень озабоченным видом оборвала его.

– Вот, – сказала она, держа на свету металлическую деталь так, как держит дантист только что с трудом вырванный зуб.

– И что делать дальше? – спросил Донал.

Бриджит хмыкнула с самодовольной улыбкой.

– Пять фунтов за то, что я вынула эту деталь, и двадцать за то, что поставлю ее на место.

– Seriously, Брайди!

– Бриджит, – поправила она его, перестав улыбаться.

– Хорошо, пусть Бриджит. Ну, будь все-таки серьезной. Мать с отцом ждут меня к десерту. Они ужасно сердятся, когда я опаздываю.

Бриджит положила бензонасос на передний бампер.

– Сколько тебе лет, Донал? Для родителей ты никогда не станешь взрослым.

– И ты должна знать об этом, как никто. Интересно, а как на все это смотрит твой отец?

Бриджит машинально бросила взгляд на коттедж, где отец ее спал после обеда в гостиной в одном из кресел.

Она вновь взяла в руки бензонасос и стала не глядя вертеть его, проверяя, пока совсем не стемнело. Она надела на бензонасос форсунку с пружиной, подошедшей в самый раз.

– Видишь, в чем здесь было дело.

И повернула пружину вокруг оси. Этому ее однажды научил старый Морвин в гараже на Кросс-роуд. Так можно ненадолго продлить жизнь пружины. Скоро ее все равно нужно будет заменять. Однако какое-то время она еще поработает. Бриджит толкнула пружину. Форсунка работала как часы.

Еще три минуты ей потребовалось, чтобы установить бензонасос, влить в него немного бензина. По-прежнему склоняясь над мотором, она сказала:

– Заводи, Донал.

Он влез на водительское сиденье, повернул ключ зажигания и нажал кнопку стартера. Двигатель ожил. Бриджит нажала на рычажок акселератора, открывающего дроссельную заслонку. Тяжелый запах бензиновых паров разлился в воздухе. «Двигатель работает неправильно, слишком насыщенную смесь подает форсунка. Возможно, и с карбюратором не все в порядке. Но сейчас нет времени. Донал еще месяц или около этого сможет ездить к своим больным», – решила она.

Бриджит опустила капот, вытерла руки о штанины комбинезона. Донал снова подошел к ней.

– Не знаю, как тебя и благодарить.

– Ну, можешь упасть передо мной на колени, – невозмутимо ответила она.

– Но я уже и так все время стою на коленях, Брайди, то есть я хотел сказать – Бриджит.

«В том-то все и дело, Донал Бруга, – подумала она. – В тебе абсолютно отсутствует чувство юмора. Ты хотя бы раз в жизни удачно пошутил, и я бы позволила тебе уложить меня в стог сена, о чем ты мечтаешь уже несколько лет».

– До свидания, Донал, – попрощалась она, раскладывая по карманам инструменты.

Он сделал неловкое движение, обнял ее и чмокнул влажными губами в щеку. Целился-то он ей в губы, но в последний момент она увернулась.

Украденный поцелуй весьма разгорячил Донала.

– До свидания, дорогая Бриджит. Встретимся завтра вечером.

Это был их вечер. Так продолжалось последние два года, с тех самых пор, как молодой Бруга вернулся из Дублина с дипломом врача и завел в Юго-Западном Донеголе свою собственную практику.

– Посмотрим, – ответила Бриджит и сразу пожалела о своей жестокости.

Его детский восторг тут же угас. Он выглядел жалким, как в воду опущенный в своем поношенном твидовом костюме и нелепой здесь городской шляпе с широкими полями.

– Да, Донал, – поспешила произнести она, положив измазанную в масле руку ему на плечо. – Завтра увидимся.

Он вновь повеселел. «Настроение у него меняется так же быстро, как у терьера», – отметила она. Донал вновь сел в машину, включил передачу и покотил по узкой дороге от коттеджа О'Тулов к основной магистрали, ведущей от Донегола в Килибекс.

– До свидания, – крикнул он ей, вполне довольный ее обещанием, и помахал рукой из окна своей старой машины.

«Бедный Донал». Она глядела вслед удалявшейся машине. Над головой слышалось пение дрозда. «Скоро закат», – отметила она, глядя в небо.

Она смотрела вслед машине, пока та не исчезла. «Что этот невинный бедолага нашел во мне, я так никогда и не узнаю, – вздохнула она, направляясь к коттеджу. – Я на пять лет старше его, и у меня хватит сил, чтобы выбросить его из окна, если дело дойдет до этого. А ему-то всего и нужно – маленькая сладкая воркующая голубка, которая содержала бы в порядке его жилье и кабинет для приема больных».

Пока она шла к дому, ею вновь овладело скверное настроение. И не было нужды долго отыскивать причину. Действительно, причина лежала в правом переднем кармане комбинезона и называлась секретным посланием Симуса.

Два дня назад она получила письмо с берлинским штемпелем. Письмо начиналось вполне заурядно. Но затем ее брат, импульсивный ирландский поэт, несколько лет назад уехавший в Германию, чтобы, как он выразился, «помочь врагам зассенаха», вдруг написал: «Ты будешь рада узнать, что я снова читаю нашего любимого поэта. Особенно его „Озеро на острове Иннисфри“...» На этом месте Бриджит прервала чтение, отодвинула стул от стола и подошла к высокому, до потолка, книжному шкафу рядом с выложенным кафелем камином. Она стала перебирать книги на полках, пока не наткнулась на ту, которую искала. Подцепила томик за верх корешка и вытащила книгу, стоящую между Самуэлем Джонсоном и «Тристрамом Шенди».

Вернувшись к письменному столу, она открыла томик избранных произведений Йетса и нашла стихотворение «Озеро на острове Иннисфри». Оно было ключом к шифру, как и указывал Симус в своем письме.

В детстве они долгое время после смерти матери были предоставлены самим себе. Тогда-то они и придумали множество разнообразных игр. Одна из их любимых игр основывалась на подвигах вымышленного персонажа английской художественной литературы, британского шпиона Ричарда Хэнни, и называлась «Я – шпион». Самое интересное и замысловатое в их игре была шифровка и расшифровка донесений с помощью литературных произведений, используемых как ключ. Примитивная игра в шифры, но, играя, ребята чувствовали себя бесстрашными и чертовски умными. Они довели свою игру до стройной системы и даже могли говорить кодом: каждое третье слово в таком зашифрованном послании нужно было запомнить или записать, а затем расшифровать с помощью упомянутого вначале литературного произведения. Этим методом они пользовались только в исключительных случаях, на протяжении ряда лет, отдавая предпочтение «Тристраму Шенди» из-за чрезвычайного многословия этого романа. Повзрослев, они все чаще обращались к поэтам, особенно к Йетсу.

Конечно, как и всякая условная система, их игра имела свои ограничения, в особенности это касалось связи, но Симус так никогда и не усвоил важнейший с оперативной точки зрения принцип шифровки – краткость. Его зашифрованные послания всегда были расплывчатой лирикой, впрочем, точно так же, как и его поэзия.

До сих пор в своих редких письмах домой Симус по-прежнему прибегал к их старой детской игре «Я – шпион». Бриджит посмотрела на очередное пришедшее на днях длинное послание, облизала кончик карандаша и стала подчеркивать каждое третье слово письма, добавляя к нему каждое третье слово из стихотворения.

Работа кропотливая, отнимающая много времени, ведь из-за скверного почерка Симуса часто было просто невозможно разобрать, что он написал. Глаза Бриджит, больше привыкшие рассматривать внутренности механизмов, чем вглядываться в текст, начали болезненно моргать от напряжения, пока она сидела за поцарапанным и выщербленным столом эпохи королевы Анны. В конце концов ей удалось четко записать послание. И теперь она пыталась понять смысл написанного на листе бумаги, лежащем перед ней. Обычно такие послания были сугубо личными и шутивными, например, Симус требовал угостить отца за его счет, но ничего более серьезного. На этот раз дело обстояло по-иному.

– Нет, – произнесла она вслух, – пожалуйста, не надо.

Но тут услышала позади себя шаги, быстро сложила письмо и расшифровку и сунула их в карман комбинезона.

– Что случилось, дочка?

Она с невинным видом посмотрела через плечо. Ник О'Тул пробудился от своего послеобеденного сна. Голос спросонья охрип, а глаза припухли.

– Ничего, папа. Просто еще один счет от доктора Макграфа.

– Господи, вот самозванец! Если бы он делал нормальные зубы, я бы, возможно, заплатил.

Бриджит, вспомнив, как она прятала письмо в карман, разозлилась. Среди прочих глупых шуток Симуса личного характера ее внимание особенно привлекла одна фраза из письма, которая не давала ей покоя последние несколько дней: «Собираюсь дать ваш адрес некоему человеку, который, как я понимаю, может захотеть вновь вернуться на родину. Сообщи, если тебе вдруг это неудобно».

«Сообщи, черт возьми, – с раздражением думала она. – Симус прекрасно знает, что у меня нет возможности ответить ему». Объем корреспонденции из Ирландии в Германию был резко сокращен, после того как несколько месяцев назад германский флот начал блокаду Британских островов, хотя почта из Германии по-прежнему поступала в страну морем через Португалию.

«Симус все это прекрасно знает, но тем не менее посылает нам какого-то безумца.

Нет, Симус, нам это чертовски неудобно. А если он окажется немцем? Шпионом? Да мало ли кем, кто в итоге приведет полицию к нам домой? Кто пинками и угрозами втянет нас в эту чертову глупую войну».

Уехав в Берлин, Симус сделал свой выбор. Но это не ее выбор. Она наотрез отказалась участвовать в его детских играх.

Бриджит вновь разозлилась, обдумав все это. В дверях она огляделась, окинув взглядом небольшой участок вокруг коттеджа. Под лучами заходящего солнца земля приобрела оттенок сепии. Стала совсем янтарной. Куда ни кинь взгляд, всюду следы ее стараний – от свежескрашенного маленького аккуратного хлеба до ровных грядок салата в огорожке возле кухни и ворот на хорошо смазанных петлях.

И все поставлено под угрозу таинственным визитером от Симуса. А хуже всего, что она не может сказать об этом отцу. Старик, по-прежнему пламенный революционер, будет всему этому чрезвычайно рад. Нет, когда наступит момент, ей придется все решать самой. Она не желает иметь с этим ничего общего. Кем бы он ни был, она встретит его так, как считает нужным.

– Браиди! – крикнул из коттеджа низкий, густой голос, в котором слышалась просьба.

«Господи, – подумала она, – старик проснулся и, верно, захочет заглянуть в местный локаль, пока тот не закрылся. Хорошо хоть, что в доме нет денег, которые он выкинул бы на портер...»

В конце концов Бриджит, конечно, нашла несколько шиллингов, чтобы Ник мог провести еще один вечер за болтовней в дружеской мужской компании в баре «Холостяцкая обитель» возле Килибекса. Она рано легла спать и быстро заснула, так и не дождавшись его возвращения. А вернулся он домой на их стареньком грузовичке, распевая мрачную балладу о своем друге Джеймсе Конноли, профсоюзном активисте, которого англичане казнили после восстания 1916 года.

Бриджит, накрыв голову подушкой, так и не проснулась. Она продолжала спать, пока ее отец пел куплеты, уже добравшись до своей постели в спальне, через холл от нее. Наконец он, громко храпя, заснул.

Как она ненавидела эти песни, прославляющие смерть и патриотизм. Для Ника О'Тула те годы стали моментом истины, в особенности по сравнению с его остальной, весьма обыденной, пресной жизнью. Его великолепно яркие воспоминания капитана летучего отряда в войне с Англией начала двадцатых годов можно было купить за пинту крепкого портера.

«Славная революция, – подумала она с такой злобой, что у нее стало неприятно во рту. – За что? Для чего? Чтобы брат убивал брата в бесконечной гражданской войне? Она ничего не изменила, эта их война, только собрала свою страшную жатву из невинных жизней». Бриджит знала, что сейчас последует, и попыталась бороться со своими воспоминаниями. Но как всегда,

ее усилия оказались безуспешными. Воспоминания двадцатилетней давности нахлынули на нее с такой силой и ясностью, будто все случилось вчера.

Ей было девять лет, а братику Симусу – семь. Это произошло во время войны с Англией. Эти ужасные наемники, посланные англичанами, негры и индусы, пришли в дом в поисках Ника, который носился где-то со своим летучим отрядом, изображая героя. Он играл в героя. Их мать, очень красивая женщина, с черными как смоль волосами (светлые волосы Бриджит унаследовала от отца), вела себя вызывающе и говорила этим людям, больше уголовникам, чем солдатам, что им не надо искать Ника. Он сам найдет их. И очень быстро, заверила она солдат. Затем звонко рассмеялась, пока один из солдат не ударил ее тыльной стороной ладони по губам.

Удар словно развязал все их инстинкты. Солдаты вытащили ее и детей из коттеджа под дождь. Трое солдат подтащили мать к каменной ограде в саду около кухни. Она плевала в их лица, пока они стаскивали с нее платье. Они швырнули ее лицом вниз на ограду, а один из солдат вытянул ее руки и держал их.

Бриджит хотела подбежать к ней, защитить ее. Но один из солдат удерживал ее, пока они один за другим залезали на ее маму. Симус заплакал и спрятал лицо на плече Бриджит. А сама Бриджит смотрела и ругала этих тварей, делающих такое с ее матерью. И дождь все хлестал по ее лицу.

Потом, когда Бриджит подумала, что все уже кончилось и дикая похоть этих мужчин наконец удовлетворена, тот солдат, что удерживал ее у коттеджа, вдруг подошел к матери. Мать лежала, тяжело дыша, от нее шел пар, а она неподвижно лежала на этой каменной ограде. Какое-то время солдат бесстрастно смотрел на нее. Потом внезапно вытащил штык и всадил в ее тело.

Наступила страшная тишина. А затем остальные солдаты присоединились к этому жуткому соревнованию.

Слезы текли по лицу Бриджит. Ужасный привкус этих воспоминаний был таким терпким, что у нее пересохло во рту.

Некоторое время после гибели матери Бриджит ненавидела ее убийц. Вскоре, однако, она возненавидела окружающую ее обстановку, способствующую такому варварству и поощряющую его. Бриджит возненавидела войны, где слабоумие рядилось в патриотизм, а страх перед опасностью прятался за браваду. Баллады о великих героях революции тоже стали ей ненавистны: героев нет – вот к какому пониманию пришла она. Есть только те безумцы, которые несут людям боль и страдания во имя осуществления своих славных героических мечтаний.

Для ее брата Симуса, выросшего и ставшего поэтом, виноватыми во всем оказались англичане. Для Бриджит, однако, все было не так просто. Она знала, что все гораздо сложнее. Возможно, причина в том, что люди изначально слабы.

Этот опыт достался ей тяжело. Лежа в своей одинокой постели, она обняла подушку. Смерть матери оставила ей в наследство одиночество, которое не заглушить никакой тяжелой работой. Пережитое породило в ней также глубокое недоверие к мужчинам. В отношении с ними она была способна только на роль старшей сестры. Как с Доналом, так и с другими молодыми людьми до него. А ей отчаянно хотелось большего.

Ей хотелось полноты настоящих отношений с мужчиной, которые, она надеялась, навсегда унесли бы прочь ужасное воспоминание о смерти матери.

«Сегодня мне трудно будет заснуть». Бриджит натянула на голову простыню. И когда она наконец стала засыпать, в голове ее все еще бродили мысли о брате Симусе и таинственном визитере.

Глава 6

– Очень впечатляюще.

Майор Юберрот, начальник Шталага № 2, РО – лагеря для военнопленных в Тюрингии, вернул личное письмо Гитлера, в котором содержался приказ оказывать любое содействие штурмбаннфюреру СС Зиферту и его коллеге герру Кавене.

Зиферт забрал у него этот драгоценный лист бумаги. Аккуратно сложил, сунул в конверт с печатью и спрятал во внутренний карман мундира. Затем он обратился к майору Юберроту:

– Нам нужно поговорить с вашими заключенными. Возможно, некоторых из них мы забередем с собой.

Юберрот внимательно рассматривал Зиферта, пока тот говорил. Внешность молчаливого герра Кавены ему не понравилась. «Такой, пожалуй, и сам мог недавно оказаться заключенным, – подумал Юберрот. – А этот ходячий труп в эсэсовской униформе, штурмбаннфюрер Зиферт, такой же военный, как выскочка Шикльгрубер».

– Конечно, штурмбаннфюрер. В письме фюрера все ясно сказано. Можете рассчитывать на всяческую помощь и сотрудничество с моей стороны и со стороны моих офицеров.

«Жалкое дерьмо, – подумал он. – Бросить бы вас обоих в одиночные камеры. Хотя в последнее время в них довольно многолюдно из-за этих фигляров, капрала Бригстона и его приятелей, схваченных два дня назад, когда они рыли туннель под северными воротами».

– Мы хотели бы, чтобы заключенных вывели на аппельплац, – сказал Зиферт.

Джек обратил внимание на подобострастные манеры майора Юберрота. Наверняка таким образом тот скрывает презрение к ним. «Вальтер изо всех сил старается быть официальным, – подумал он. – Холоден и четок, считая, что так ведут себя военные». Однако это не его, Джека, забота. У него заботы появятся очень скоро, когда соберут заключенных, и он должен будет обратиться к ним. Он не может просто призвать их записываться к нему добровольцами, чтобы начать революцию в Ирландии. «Большинство военнопленных были северянами, а большинство северян – юнионисты, лояльные к Британии, – подумал он. – Им вряд ли понравится предложение покончить с разделом Ирландии и раз и навсегда порвать пуповину с Лондоном». Если он прямо скажет о своих планах и кто-то из этих людей потом убежит отсюда, то вся операция окажется под угрозой. Но он знал, что среди них были и другие, свободные ирландцы, которые вступили в ненавистную британскую армию, чтобы воевать с безбожными немцами. Как раз на таких людей его аргументы могут подействовать.

Внезапно он понял, что думает об операции «Ястреб» вполне серьезно. «Тем лучше, – решил он. – В этой операции я ставлю на кон свою жизнь. И потому, черт возьми, и самому не мешало бы верить в нее». Джек понимал, что для этих людей ему придется подыскать другие, не столь прямолинейные аргументы. Как член Дейла, ирландского парламента, Джек получил в свое время известность за умение думать на ходу. Речи он никогда не готовил заранее. Но в нужное время внутри него закипали страсти и всегда находились нужные слова. Сейчас он почувствовал, что у него засосало под ложечкой – неприятнее, чем нервная лихорадка напряжения перед боем, как обычно перед каждым публичным выступлением. Все же он всегда находил нужные слова или они находили его – какая разница. Этот дар он никогда не ставил под сомнение.

– В таком случае через час, – сказал майор Юберрот, и Джек понял, что за своими размышлениями пропустил часть разговора, посвященного его выступлению. – К тому времени закончится распределение заключенных по утренним работам. – Затем он обратился к Джеку: – Это устраивает вас, герр Кавена?

Майор обратился к нему по-немецки, и Джек кивнул. Он не хотел тратить на майора свою энергию.

Вальтер и Джек вышли на улицу и оказались в крытой галерее у входа в комендатуру лагеря. Утренняя прохлада еще не ушла. Джек поднял воротник плаща, который дал ему Вальтер перед поездкой.

«Моросит», – подумал он. В Западной Ирландии такую погоду он расценил бы как приветствие, ответ на пожелание доброго дня. Джек любил мелкий морозящий дождь, любил влагу, покрывающую его щеки.

По периметру концлагеря патрулировали охранники в серой форме, с овчарками на кожаных поводках. На всех углах стояли вышки, на которых тоже притаились солдаты. Группа военнопленных с блестящими бритыми головами, в капельках дождя, напоминавших росу на траве, убирала территорию. Другая группа выносила парашу.

Над лагерем стояло тягостное зловоние – сложная смесь запахов немытых тел, гниющей картошки и страха. Джеку хорошо знакомы эти запахи по собственному опыту. Он и Зиферт покинули галерею и подошли к воротам лагеря. Комендант махнул охранникам рукой. Их пропустили. Следующий час они провели среди жалких бараков с голыми стенами. Зиферт избегал смотреть Джеку в глаза, когда они натолкнулись на очередь заключенных в целые двадцать рядов, стоявших в единственную на территории лагеря уборную. Наконец они нашли свободное помещение, судя по вывеске – санчасть. В последнее время в этом здании больных не лечили, а может быть, не лечили и никогда. Однако им для бесед с заключенными оно прекрасно подойдет.

Ожил лагерный громкоговоритель. Послышался резкий гортанный голос. Слов Джек не разобрал, так как диктор говорил слишком близко к микрофону, как обычно это делают на железнодорожных станциях.

– Ну вот, – сказал Вальтер, стоя в дверях санчасти, – заключенные собираются.

Джек снова вышел на морозящий дождь, который припустил еще сильнее. Небо потемнело. «Туча не пройдет до полудня, нас ожидает дождливый день», – подумал он.

Майор Юберрот стоял на маленьком возвышении со стеклом в руке перед десятком шеренг заключенных, расслабленно вытянувшихся перед ним. Они были одеты в серо-белые полосатые летние рубахи и штаны. Большинство из них уже насквозь промокло под дождем. Зиферт и Джек присоединились к Юберроту на возвышении. Когда майор обратился к заключенным, оказалось, что говорит он правильным, по-школьному заученным английским языком.

– Джентльмены, к вам гость. Ваш соотечественник. Большая знаменитость. – Он с иронией взглянул на Джека. – У него для вас короткое сообщение.

Джек выждал момент, когда глаза заключенных устремились с майора на него. Он попытался сосредоточиться на отдельных лицах стоящей перед ним массы военнопленных. Пытался отыскать их глаза, заглянуть в них и понять их мысли. Но увидел в первых рядах на лицах военнопленных лишь раздражение оттого, что их держали под дождем. И подозрительность. Перед ними был ирландец. Свободный ирландец, стоящий на возвышении с комендантом лагеря и эсэсовским майором.

«Меня бы тоже обурежала подозрительность», – решил Джек.

Но затем он нашел нужные слова.

– Моросит, – сказал он по-ирландски. Все молчали. На какой-то миг среди собравшихся ослабло напряжение. Затем в разных местах толпы слышались смешки тех, кто понимал по-ирландски. На них он и рассчитывал.

Джек продолжал по-ирландски:

– Я приехал сюда в поисках друзей, товарищей. Как вы можете заметить, я ирландец, такой же, как и все вы. Я свободен в полном смысле этого слова, но у меня есть работа. Задание. И я не лакей немцев. Даю слово. Я приехал к вам как мистер Шюк, Ястреб. Надеюсь, слово это что-то значит для некоторых из вас. И если это так, то мне бы хотелось поговорить кое с кем из

вас по отдельности, когда все остальные разойдутся. Для этого прекрасно подойдет помещение санчасти. Я ищу хороших парней, которые не удовлетворены перспективой пересидеть войну в лагере. Парней, любящих Ирландию больше всего на свете. Могу заверить вас, будет и тяжелая работа там, куда мы отправимся. А мы направляемся в Ирландию. Вы окажетесь дома и не будете прозябать в этой проклятой Германии.

Пока он говорил, люди перед ним сливались в одну толпу. Но вот он закончил свое выступление и окинул собравшихся взглядом. Выступая, он должен был отрешиться от людей, к которым обращался. Они превратились для него в живого зверя со множеством глаз. И только теперь он смог разглядеть в общей массе отдельные лица.

Основная масса пленных глядела на него, вытаращив глаза, как на сумасшедшего. Они совершенно не знали ирландского языка, кроме традиционных слов тоста перед тем, как выпить пинту портера. Но из задних рядов раздались редкие аплодисменты и выкрики: «Молодец!»

Кажется, на некоторых его выступление подействовало. Теперь нужно подождать и посмотреть, что из этого получится.

Результаты оказались поразительными. По лагерю моментально распространился слух об этом выступлении: от тех, кто понял, что он говорил по-ирландски, – к остальным. Смысл выступления они уразумели так, что добровольцы поедут домой. Домой, в Ирландию. Джек ведь не пояснил, в какую Ирландию – для него Ирландия была только одна.

Все утро, пока дождь окончательно не превратил аппельплац в месиво, заключенные тянулись в маленький барак, окна которого запотели от горячих дискуссий. Среди них попадались трусы, мерзавцы и полные идиоты, видевшие в предложении Джека только способ беспрепятственно вернуться домой. Но было среди них и несколько хороших парней. К сожалению, в подавляющем своем большинстве – юнионисты. Когда им задавались вопросы об отношении к объединению Ирландии, они сразу смолкали и начинали рассматривать Джека с глубоким подозрением, узнавая в нем в конце концов того, кем он был на самом деле, – республиканца.

Один заключенный, узкогрудый человек, старше других, с отсутствующим указательным пальцем на левой руке и почерневшими остатками зубов – следствие того, что он скрежетал зубами во сне, – выглядел лучше всех других, пока не начал говорить.

– Я пришел не записываться добровольцем, – прямо сказал он, стоя перед Зифертом и Джеком в помещении санчасти, а вода стекала с его ног прямо на пол. – Я только хочу сказать тебе, что знаю о твоей затее. Твоей и этого немецкого сутенера.

Зиферт вскинулся, но сдержался.

– Парень из ИРА, красавец Джек Кавена. О да, я узнал тебя: твой отец пресловутый Нед, бешеный Кавена, всегда готовый пролить еще чью-то кровь за свободу Ирландии. Я тоже ирландец. В большей степени ирландец, чем ты. Ты родился в Америке. Я же из той породы ирландцев, которые живут и умирают за плугом. Ничего героического в этом, не так ли? И вряд ли я похож на тех настоящих парней, любящих острые ощущения, которые нам доставляешь. Я простой фермер и отец своих детей, а не великий гангстер. Обо мне никогда не будут слагать баллады.

– Что ты хочешь? – спросил наконец Джек.

– Вот что. – Человек плюнул на Джека и повернулся, чтобы уйти.

Джек и Зиферт просто оцепенели и никак не прореагировали на это. А человек на прощание от порога бросил презрительное:

– Люди, которые тебе нужны, сидят в карцере. Капрал Бригстон и его дружки. Из них получатся хорошие убийцы.

Вместо того чтобы бежать за этим заключенным и придушить его, Джек просто вытер плевков со щеки и продолжал разговаривать с людьми, собравшимися снаружи. Сейчас у него была цель и не было времени позволить себе роскошь мщения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.